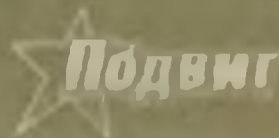

I 726321

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

★ ПОВНИ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

**МОЙ
ЛЕЙТЕНАНТ**

ЛЕНИЗДАТ
1972

PC
0-66

+ KP

ПЕВЕЦ СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

Сергей Орлов — один из самых ярких и типичных представителей фронтового поколения в поэзии, его творчество органически связано с военной темой, с минувшей войной, с ее трагедиями и героикой, подвигом солдат и всего народа. Будучи поэтом современным в самом живом и активном смысле этого слова, лучшие поэтические строки он посвятил героическим страницам недавней истории, ибо сам был солдатом, сам творил эту историю, перед лицом смерти утверждал право народов на свободу и счастье. Об этом и скажет настоящая книга, которая создавалась в течение трех десятилетий.

...Поздним августовским вечером сидели мы в одной из комнат переделкинского дома творчества — Сергей Орлов, заскочивший — проездом — на огонек волгоградец Федор Сухов и автор этих строк. За открытым окном беззаботно погромохивали электрички, соседний, Внуковский, аэропорт напоминал о себе гулом воздушных лайнеров, а стена соснового леса, с темнотою как бы придвинувшаяся к окну, внушала покой и умиротворение...

Говорили о стихах, о поэзии, о судьбе фронтового поколения. Запали в душу строчки, которые прочел Сухов: «Нас все меньше и меньше, нас почти никого не осталось...» Горькие строчки. С возрастом человек приобретает право погрузиться об ушедшей молодости, еще и еще раз вспомнить о друзьях-товарищах, которые не дожили до наших дней, сложили свои головы на войне или — израненные, потерявшие здоровье и силы сопротивления недугам — преждевременно ушли из жизни.

Ах, как годы летят, и жизнь идет своим чередом, не обделяя нас ни радостями, ни огорчениями, а прошлое живет в душе солдата, и он верен ему, как присяге, верен солдатскому братству: «Самые отважные солдаты были те, что не пришли домой...»

Да, это мог написать Сергей Орлов, конечно же он. Не великодушные счастливого избранника судьбы, пришедшего с войны домой, подсказало ему эти слова — танкист Орлов хватил военного лиха в достатке, — а все строже с течением лет, все объемнее осознаваемое чувство долга перед павшими. Жажда действия — чтобы восполнить великие потери — и сознание невозможности это сделать зарождают гордую и горькую мелодию, которая время от времени слышна в симфоническом звучании «фронтového» поэтического оркестра.

Потому и вспомнился переделкинский вечер и Федор Сухов, бывший солдат и настоящий поэт. Даже в суете московской повседневности, встречаясь не часто, мы с Орловым вспоминали суховские строки, говорили о солдатской верности. В тот же вечер Сергей сказал: «Будем верны нашей юности». Еще раньше он написал: «Присягают солдаты раз, только раз присягают солдаты».

Присягали мы в юности, когда огненная черта фронта пересекла нашу страну от Баренцева моря до Черного. Верность присяге — это верность родине, ее алому стягу.

Когда над землею раскаты
Салюта на праздник гремят,
О чем вспоминают солдаты,
Которым сейчас пятьдесят?

Они вспоминают Россию
От моря до моря в огне,
Друзей, молодых и красивых,
Оставшихся там, на войне.

Одна за плечами держава,
Которой присяга дана,
Одна, словно вечная слава, —
И молодость тоже одна.

Опять о том же, уже на подступах к семидесятиям. И не потому, что Орлов не может писать о другом. Может. Поэтически зрело и талантливо. Орлову шестидесятих годов доступны разнообразные и сложные сферы современной лирики — от изобретения колеса до «великого сражения идей». В солдатском же опыте — ядро и нравственная опора его лирического характера. Солдатский подвиг во спасение и славу отечества и по нынешний день остается для Сергея Орлова высшей мерой человеческого достоинства.

Вот он смотрит на старую фотокарточку военных лет, где изображен «юнец, мальчишка в гимнастерке»:

Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик.
А полк уйдет к иным огням.

Этот до боли, до слез близкий ему юнец, этот мальчишка-танкист — не двадцатилетний ли Сережа Орлов? Впрочем, он может быть и любым из его сверстников. Но ведь и его, тогдашнего, и сверстников молодого воина России познать до конца даже теперь не просто.

Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.

Вот она — мера человеческого достоинства: «...он может все наверняка...» Мера и — вера. Вера в человеческие возможности, в боевой дух русского солдата, в то, что на войне ничем количественно не измерялось, но учитывалось наряду с оружием и боеприпасами как материальная сила. Так как же можно об этом забыть, как можно не вспомнить об этом перед штурмом новых высот, в ходе большого и всеохватывающего сражения за прекрасное будущее для всего человечества!

Первые свои стихотворения Сергей Орлов написал еще до Великой Отечественной, поэтом он стал на войне. Поэтом и солдатом Сначала солдатом («Мы не забыли сорок первый год. Да, мы солдаты, с той поры солдаты»), потом — поэтом («Я на войне писал стихи украдкой, скрывал стихи от посторонних глаз...»).

Нет, наверное, такого рода деятельности (разумеется, если она по существу гуманна), где бы человек не мог проявить своих лучших качеств. Но кто будет отрицать, что война за свободу и независимость родины, Отечественная, народная война является моментом высшей проверки человека! И если в поэзии фронтового поколения она стала как бы точкой отсчета, измерения в оценке

людей и их поступков и дел, то к этому обязывает их судьба и душевный опыт.

Ни у Сергея Орлова, ни у его поэтических сверстников нет ощущения исключительности своей судьбы. Наоборот, им органически присуща идея преемственности поколений, преемственности революционных традиций. «От костров гражданской войны», от «гневных воззваний», обогранных алой кровью героев, ведет родословную подвига поэт Орлов. Люди, делавшие революцию, рядом с ним воевали на фронтах Отечественной, он видел их в сражениях, побратался с ними перед лицом смерти.

Эстафета поколений и не замыкается на фронтовиках, поэт смотрит на подрастающую смену, смотрит по-отечески доброжелательно и с надеждой, и в то же время строго, зная, какие испытания могут выпасть на ее долю. Уже в том, как «повзрослевшие юнцы» поют старые фронтовые песни («В электричке»), поэт ощущает связь и близкое родство с ними, и вздох облегчения, внутренней удовлетворенности завершает стихотворение: «И мы стоим, грустя, в сторонке, и родина на всех одна».

За год до окончания войны Сергей Орлов написал свое знаменитое стихотворение «Его зарыли в шар земной...». «Простой солдат, «без званий и наград», похоронен, зарыт «в шар земной»: «Ему как мавзолеей земля — на миллион веков...»

Сколько ни перечитываешь стихотворение, этот глобальный образ до сих пор потрясает воображение. Прах миллионов солдат покоится в земле: и тех, кто поднял меч, — взбесившихся честолюбцев с их одурманенным человеконенавистническими идеями войском, — и тех, кто защищал дом и семью, родину, свободу, идеалы добра и человечности. Им — защитникам добра и человечности — стала земля мавзолеем. Такой увидел тебя молодой поэт, юноша в годину смертельной схватки двух миров, увидел тебя как символ справедливости, любимая наша Земля!

Много запоминающихся строк написал Сергей Орлов за тридцатилетний путь в поэзии, напишет еще, но строки о солдате, зарытом в земной шар, как в мавзолее, наверняка останутся жить до тех пор, пока на нашей планете человек вынужден будет носить оружие, чтобы защитить свой дом, свою семью, родину, свободу...

Повторю еще раз, что, как и многие его сверстники, поэтом Сергей Орлов стал на войне. Но и в стихах военной поры он не сразу находит свою поэтическую интонацию, свой угол зрения, свое ощущение полной трагизма действительности. Можно с хронологической точностью установить, что знакомые уже мотивы и

реминисценции улетучились из стихов молодого поэта, когда его опалило огнем ближнего боя. «Это было 19 марта 1943 года» — такая дата вынесена в название стихотворения.

И именно тогда Орлов ощутил, что ему, танкисту, солдату, о войне надо писать иначе, что расхожие «поэтизмы», характерные стилевые особенности довоенной лирики только мельчат стихи. Суровая простота и строгость должны выразить трагизм и величие происходящего. «С пяти до десяти была артподготовка...» — это как боевое донесение. «Сигнал атаки прозвучал открытым текстом в шлемофонах, и лес разверзся, зарычал...» — так сказано о начале танковой атаки, сказано танкистом. Но в этой атаке участвовал поэт, и он увидел танки и картину боя со стороны:

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Сергеем Орловым в военные годы написаны более совершенные строки, но стихотворение «Это было 19 марта 1943 года», пожалуй, является переломным, в нем приметно обозначались некоторые особенности письма, черты будущего стиля, творческой индивидуальности поэта. Зерно ее — в героической теме, которая заняла главное место в военной лирике поэта. Орлова без колебаний можно назвать одним из самых пламенных певцов солдатского подвига.

Военная сюита Сергея Орлова, складывавшаяся на протяжении трех десятилетий, звучит то скорбно и возвышенно, то сурово и буднично то гордо и мужественно, и в ее многогласии, в интонационном богатстве, в тематическом разнообразии постоянно ощущается внутренняя идея, выражающая главную сущность мировосприятия поэта, — идея бессмертия солдатского подвига во имя родины. Начиная, может быть, со стихотворения «Карбусель», написанного под непосредственным впечатлением от гибели боевых товарищей, и кончая трудными раздумьями зрелого человека в стихах последних лет, Орлов многократно возвращается к теме памяти. И видимо, вовсе не случайно второй том его итогового двухтомного издания — «Избранного» — завершается следующими строками о советских солдатах, павших на второй мировой войне:

Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,

Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы...

Уже вернувшись с войны, оглядывая четырехлетний путь великих потерь и великих побед, Орлов восстанавливает в памяти подробности боевых событий и солдатского быта, теперь любая частность приобретает особое значение в его глазах, она как бы озаряется светом истории, сочетается с масштабностью поэтического мышления. Солдаты, «весь мир прошедшие в огне», «глядят по спине огонь», развешивают автоматы, а утром, разворошив «ударом сапога» угли костра, — снова в поход, снова в бой... «Весь мир» и кратковременный солдатский бивак, угли костра — в таком или в подобных сочетаниях, если иметь в виду масштабы образного видения войны, предстает она в послевоенных стихах Сергея Орлова.

Иногда даже глобальный масштаб кажется поэту недостаточным, чтобы показать смысл и значение нашей победы в войне, и тогда он прибегает к символам («Атака на рассвете», «После боя»), но поэтическая символика в общем-то не стала органической особенностью его стиля в дальнейшем, Орлов все-таки тяготеет к конкретной выразительности, ведь даже образ земного шара как солдатского мавзолея — при всей его условности! — все-таки не лишен конкретности и материальной предстимости.

В первые послевоенные годы Сергей Орлов, как и другие поэты фронтовой плеяды, внимательно присматривается к иной жизни, к иным обстоятельствам, к людям мирных профессий. Помимо того, что критика нетерпеливо подстегивала поэтов, требовала от них скорейшего «переключения» на темы мирного строительства, Орлов и сам испытывал потребность теснейшего творческого сопричастия к общенародному делу налаживания сильно расстроенного за годы войны механизма мирной жизни. Возвращение с войны означало переход в новое состояние, подводило итог пережитому.

Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.

Тогда и появляются стихотворения «Плавучая культбаза», «Плотогон», «Новый мост», «Паромщик», «Бакенщик» и другие. Уже по названиям видно, что поэт идет навстречу людям и всему новому, что возникает в трудный период послевоенного восстановления.

И все-таки тема минувшей войны и народного подвига в борьбе с фашизмом остается главной в творчестве Сергея Орлова. Да и трудно представить себе что-нибудь иное, ведь для Орлова, как и для других поэтов его поколения, Отечественная война стала самым тяжелым уроком жизни. Молодыми людьми, юношами получили они первое крещение огнем и вышли из войны закаленными ветеранами. Тот внутренний опыт, который был приобретен на войне, то обнажение характеров, душ, которое пришлось наблюдать в эти годы, не могли быть вытеснены даже очень сильными поздними впечатлениями. Нельзя не учитывать, что те впечатления, тот опыт воспринимались свежими, юношескими чувствами и они были громадной концентрации, так что, выдержав этот психологический, нравственный и физический напор, устояв перед лицом смерти и сохранив человеческое достоинство, утвердив его победою над грозным противником, — Сергей Орлов, как представитель своего поколения, на всю жизнь остался верен памяти о славном прошлом.

Случалось, правда, что он прощался с войной, пытался подвести черту под прошлым, надеясь таким образом ближе, теснее связать себя с современностью. То же самое пытались сделать и некоторые другие его сверстники — М. Львов, М. Максимов, А. Межиров. Не получилось и не могло получиться, ибо это было насилием над собой. Опыт показал, что и постижение современности для поэтов фронтового поколения неразрывно связано с их биографией, с их прошлым, что постижение современности идет через прошлое, в исторической перспективе, оно обогащается живым, органическим ощущением революционных традиций, преемственности поколений, движения времени.

Само же военное прошлое таит в себе такие запасы непознанного, такое богатство психологических, нравственных и социальных коллизий, такой драматизм и неисчерпаемое количество сюжетов, что всего этого хватит не только писателям-современникам, но и тем, кто только начинает свой творческий путь, кому природою дан талант и умение в художественных образах воскрешать прошлое. Военная проза шестидесятых — семидесятых годов подтверждает, что писательский и читательский интерес к войне не ослабел. Поэзия тоже с немалым энтузиазмом и уже с преоблада-

нием лирических жанров, под лирико-философским углом зрения, в отличие от остро-драматического эпоса в прозе, продолжает развивать военную тему.

Через десять лет после окончания войны Орлов написал стихотворение «9 мая 1945 года». Эта временная дистанция внесла новый момент в поэтическое осмысление события:

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

Новый момент заключен в исторической оценке великой победы, в установлении ее прямой связи с революцией, с победой социалистической революции в октябре 1917 года.

А еще через пятнадцать лет, уже в 1970 году, в стихотворении «1945-й», историческая оценка события дается в еще более широкой перспективе: «Четыреста лет не бывало такого периода мира в Европе, как этот». Вот что значила и значит победа советского народа в войне с фашизмом.

В этом свете и предстают слагаемые победы, над которыми не перестает размышлять поэт вот уже более четверти века. Иногда в боевом эпизоде, в типичном сюжете военной поры он стремится создать обобщенный образ неизвестного солдата-героя («Шестнадцать лет тому назад»), иногда воскрешает в памяти атмосферу и дух политической подготовки солдат в боевых условиях («Я в сорок третьем был комсоргом роты...»), а иногда в одном стихотворении («Памятник») соединит прошлое и настоящее, подвиг и память о нем, как бы желая показать молодому поколению, какую цену заплачено за эту память. И строки стихотворения звучат эпически величаво, сдержанно:

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.

Вот как видится Сергею Орлову памятник героическим танкистам, о подвиге которых и рассказано в том же стихотворении. И еще об одном памятнике — на Пискаревском кладбище в Ленинграде, и тоже сурово и торжественно, с бесконечным уважением к защитникам великого города, «блокадникам», которым «обязан жизнью город и ратной славою своей», живым и мертвым:

В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит...

Именно военная тема, тема солдатского и всенародного подвига подводит Сергея Орлова к постижению жгучей современности и — в исторической перспективе — соединяет ее с прошлым, «вписывает» в историю.

История. О давнем, незабвенном
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движенье обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

Эти строки написал поэт, который видит движущую панораму действительности, чувствителен к обновлению жизни. Зрелый поэт.

Сергей Орлов переступил рубеж своего пятидесятилетия. Наверное, это все-таки не так мало, но как прекрасна жизнь поэта, если идеалы добра и справедливости, которые он утверждал с оружием в руках, ради которых сжигал себя, воспламеняясь над стихотворной строкой, — если эти идеалы торжествуют!

И как прекрасно, что поэт-воин, поэт-солдат, человек героической биографии, который мог бы, наверное, в зрелом возрасте вести жизнь более спокойную, не помышляет об отдыхе, его зоркий глаз видит далеко окрест и замечает все важное и существенное, что происходит в мире; его пылкий ум все время в напряжении. Поэт всеми чувствами ощущает, как

...брожение происходит в мире.
И на дрожжах его восходит день.
Идет умов гигантская работа,
Великое сражение идей.
Мир озаряют светом капли пота.

В последней метафоре вновь сказался присущий Орлову еще с молодых лет масштабный характер мышления, концентрирующий идею, суть в образе, сжимающий пружину стиха до предела.

Живо и нервно ощущает мир Сергей Орлов. По его стихам, как по кардиограмме, можно проследить ритмы грохочущих по рельсам XX столетия сороковых, пятидесятых, шестидесятых...

Что дадут поэту семидесятые? Их контуры обозначил в статье об Орлове Сергей Наровчатов, поэт той же фронтовой плеяды: «Раскрыть духовные начала подвига и передать нравственные ценности поколения своим преемникам — молодым людям современности и будущего, — так вырисовывается она (творческая задача. — А. М.) перед нашим мысленным взглядом. И тут за целями вырастают цели, их столько же, сколько граней у подвига, сколько сторон в духовном мире поколения».

Остается только добавить, что Сергей Орлов уверенно вошел в атмосферу семидесятых, и мы вправе ждать от него многого.

Ал. Михайлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

*Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса воровой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,*

И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончатся снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добыты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,

*Вот оно лежит, белым-бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.*

**А МЫ ТАКУЮ КНИГУ ПРОЧИТАЛИ
1941★1948**

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

Руками, огрубевшими от стали,
 Писать стихи, сжимая карандаш.
 Солдаты спят — они за день устали,
 Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
 Под потолком копилка замирает,
 Трещат в печурке мокрые дрова...
 Когда-нибудь потомок прочитает
 Корявые, но жаркие слова,
 И задохнется от густого дыма,
 От воздуха, которым я дышал,
 От ярости ветров неповторимых,
 Которые сбивают наповал.
 И, не выдавший горя и печали,
 Огнем не прокаленный, как кузнец,
 Он предкам позавидует едва ли,
 Услышав, как в стихах поет свинец,
 Как дымом пахнет все стихотворенье,
 Как хочется перед атакой жить...
 И он простит мне в рифме прегрешенье..
 Он этого не сможет не простить.

Пускай в сторонку удалится критик:
 Поэтика здесь вовсе ни при чем.
 Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
 И тот нашел в воронке под огнем.
 Здесь молодости рубежи и сроки,
 По жизни окаянная тоска...
 Я порохом пропахнувшие строки
 Из-под обстрела вынес на руках...

Как на родине? Осень,
В скирдах рожь на полях,
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор.
Знамя алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не сгорая,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость, —
До чего же похожи
На багряную гроздь.

В крепких валенках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Легким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом дому,

Заплутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

О С Е Н Ъ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелонном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенья
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша ты, сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш —
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

В землянке патефон поет
Застольную баском,
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом.

Из Англии в края войны
Пришла печаль сюда...
Поет сынам чужой страны,
И скорбна и горда...

Поет подряд который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!..»

Шипит, смолкая, черный диск,
Гремит война вокруг.
За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.

Но тут же кто-то встал из нас
И начал напевать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!..»

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему
В палисаде рябина да клен,
И девчонка, как песня, в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай. ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

★

*Матери,
Екатерине Яновлевне*

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымит печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть,
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...
Нету кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждет в Рязани
Писем озабоченная мать...
Песню мы певали вечерами —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы: кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.
Потому и пелось нам особо:
Может, про себя ее поешь,
Может быть, в брезентик, вместо гроба,
Друга завтра в полдень завернешь...
Но хотелось очень, чтобы стало
Все не так, чтоб мать-старушка нас
Все-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

Есть на Шексне далекой
Просторная изба,
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерется батальон...

Идут «тридцатьчетверки»
Сквозь синеватый дым.
Орудия с пригорка
Плюют огнем по ним...

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: «Дави!»

Он все сомнет и вспашет,
И скажет в микрофон:
«Порядок в части нашей
Повсюду быть должен».

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,
В порядке все. Сережа,
Твой сын...» — всего семь слов.

А на привале ночью,
Как вспомнит, загрустит ..

Знакомый домик отчий,
Далекie пути.

Старушку мать родную,
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону...

Ой нелегка дорога
К родной реке Шексне,
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне,

Лежит перед солдатом
На запад горевой,
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трехсотый бой.

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны ветреные, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить...

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до неба,
Завтра мы возьмем Карбусель!

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые «КВ»
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина, —
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — необычная, большая —
Тревожила, знакомая, она,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидели наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще укали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сна.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящей навек моей судьбы..
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

Ходят тучи сизые до злости,
Дождик начинается вдали.
На болотах в теплый край, как в гости,
Стаи собирают журавли.

Вся в крови над речкою рябина,
Все березки тонкие в бинтах.
Как кабан, тяжелая машина
В землю врылась в реденьких кустах.

Гром приходит, ударяя оземь,
Из-под ног его летит земля.
Наступает фронтовая осень
На родных израненных полях.

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую.

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкою?
Кто обнимет мать тогда
В праздник, одинокою?

пыль

**Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.**

**Все по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.**

Ночь бела, закат ~~идет~~ в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через бои и войны.
Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.
Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился,

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятых
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета», —
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятва о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папираса на двоих...

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запеваля,
Грянет в небо, гармони в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь костра...
Никому у него не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо...
Пусть четыре года разлуки,
Мы, друзья, подождем еще.

Пусть вокруг нам земного шара
Предстоит обойти... Пройдем!
Ведь поется в песне недаром
О хорошей встрече потом...

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой, —
Мы люди, а она — стальная...

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перья обронят,
Вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

Потомок наш о нас еще вспомянет
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров,
И как ракеты толком начинали
И посылали предки на врагов, —

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
«В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну».

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю жизнь,
И жизнь иная незнакомая,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят от века,
И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская София...
Стены опаленного Кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громяхая тяжкою броню,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

СТИХИ О ПЕРЕПРАВЕ

Он первый встал на берегу крутом.
Хотелось берег целовать,

но сразу

Он лег за рыжеватым бугорком
И бил из пулемета без отказа...

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы,
Он увидел, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый...

Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы под водой ржавеют,
И лишь быки угрюмо с высоты
Глядятся в Днепр, над волнами темнея.

Где яркие ракетные огни,
Где день и ночь грохочет берег правый,
Навеки берега соединив,
Легла на Днепр широкий переправа.

Настил дощатый, сбитый топором,
Перила невысокие шершавы...

Ее зовут торжественно

мостом

Суровые строители по праву...

Да, нелегко из камня класть быки,
Стальные фермы возносить над ними,
Чтоб поезда через простор реки
Летели по мостам в огне и дыме.

Но этот мостик, шаткий и простой,
Где «ЗИС» едва ли пробежать сумеет,
Построить было ночью огневой
В сто тысяч раз, пожалуй, тяжелее!

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звонит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстояньем,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

*Матери,
Екатерине Яцвеловиче*

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по поясу,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина или из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

ВИНО

В подвале каменном вино
Стояло много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.
В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.
Он выдержал свое вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.
Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
«Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!»

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видел Вену, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии,
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть, иль в Вашках
К пристани выходит, ожидая, —
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут,

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

В МЕТЕЛЬ

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую заметь снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо словно парус в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой, белою как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна,
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей —
Нам песни петь, мед-пиво пить с царевной.

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

И мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

Было утро, шумели травами
Сенокосы в лесах глухих,
Да за дымчатой переправой
Перекрикивались петухи,
Да березки ствол забинтованный,
Над рекой наклонясь, белел..
Милой родиной околдованный,
Встал солдат и вздохнуть не смел.
Все, что в дымной дали горячечной
Только сердцем он видеть мог, —
Не приснившееся, настоящее
Расстилалось у самых ног.
Вот дорога в ромашках торная,
Та, которой до смерти рад..
Край родимый, вся жизнь просторная —
Наивысшая из наград.

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.
А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.
«Разреши огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке. —
Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке?..»

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле,
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздыхался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,
И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

Где тишина и запустенье,
Кладбища тлен —
Геометрические тени
Заводских стен.
Там, за колючею оградой,
На пустыре,
Стальные мертвые громады
Спят на заре.
Огонь зари на ранах рваных
Горит, дрожа,
И копоть черная на ранах,
И ржа рыжа.
Грозят стволы орудий черных,
Тупы углы,
И в отделении моторном
Черно от мглы:
Там, где взрывная мощь газойля
Ревела в нем,
Стальные мускулы, как болью,
Свело огнем.
Репей, пробившийся сквозь траки,
Цветет как кровь,
И ветер танковой атаки
Не вспыхнет вновь,
Не опалит железных легких...
Не встачет вдруг
Танкист,
Открыв движеньем легким
Тяжелый люк.
Но долетает издалека,
От хуторов,

Глухой дизель-моторный рокот,
Гул тракторов.
И танкам снится спозаранку,
Что по стране
Демобилизованные танки
Идут в огне.
В огне хлебов ведут комбайны
В полях страны...
Бессмертия металла тайны
Им вручены!

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся, шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

★

Как стога стоят снега,
Временный вокзал сосновый,
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь алела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайпера за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел, —
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.
Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Сапоги заскорузлые в глине сухой.
Шел от пыли совсем седой.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем реки,
Шинель накидывая на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.
По плугу тосковали руки,
Тянули, как магнит, поля,
Да, он почувствовал в разлуке,
Что значит для него земля...

Он думал, жег табак в ночи,
И уходил беспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий...

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле,

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо,

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
«Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно..»

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь польхал,
Как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню...
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.

И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдут.

В кумаче горизонт... Я люблю это время застолиц,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармоник на гребнях ста тысяч околиц,
Дым победного пиршества после горячей страды.

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола..
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой.

ЗВЕЗДА
1948★1964

ЗВЕЗДА

Там пахло ваксой и махоркой
И влажной теплотой сукна,
Где выдал мне ее в каптерке
По списку ротный старшина.
И я не то чтобы беспечно,
Но просто прикрепил как мог
Эмалевый пятиконечный,
С серпом и молотом значок.
Я не подумал, как вставали
С ним в восемнадцатом году,
Как коммунистам вырезали
Дроздовцы на груди звезду...
Гремела сапогами рота
У зеркала тогда полдня.
Огнем, газойлем, кровью, потом
Не обнесла судьба меня.
Немало полегло навечно
Друзей-годков в земле сырой
Под алою пятиконечной
Красноармейскою звездой.
Давно я снял свои погоны,
Уже давно другой комвзвод
В моем полку краснознаменном
Всю службу за меня несет.
Не пишут ничего газеты
Про то, чем занят командир,
Не потому, что тайна это,
А потому, что мы за мир.
Но и теперь дороже нету
Ее одной на все года.
Неси лучи по белу свету,
С серпом и молотом звезда.

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.
Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Наши комсомольские билеты
С датами годов сороковых
Сохраняют памятные меты,
Жаркий отсвет пламени на них.

Синие поблекшие чернила,
Подписи комсorghов полковых
Воскрешают незабвенных, милых,
Русых, синеглазых, молодых —

Тех дружков, с которыми делила
Молодость запевки и табак,
Тех дружков, с которыми ходила
Молодость на смерть в огне атак.

На снегу нетающем, примятом —
Русые, огнистые чубы,
Юные безмолвные солдаты,
Со звездой фанерные столбы.

А по горизонту свет холодный,
Свет ракет, текучих в вышине.
И вперед зовущий строй походный
Танков на дороге в стороне.

Наши комсомольские билеты...
Трость страницы, и года встают.
Все в сукно армейское одеты,
И опять товарищи поют —

Молодые верные ребята,
Так и не узнавшие дружки,

Как ромашкой, данником и мятой
Веют руки милой у щеки.

Наши комсомольские билеты...
В них не меркнут жаркие костры,
В них плывут и падают рассветы
У железной Пулковской горы.

В них гремит по европейским странам
На Берлин катящийся волной
Гром победы, радостный, желанный,
В сорок пятом — памятной весной.

В них цветы и слезы той минуты,
Что пришла, как свет, наверняка
И огнем московского салюта
Землю озарила на века.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

В полк пришел
Новобранец безусый,
Паренек
Из-под Старой Руссы,
В полк
Четырежды краснознаменный.
Вносят в список его
Поименный.

Девятнадцать
Ему от рода.
Не бывал он
В боях-походах...
На стене —
Героев портреты.
Он узнал о них
Из газеты.
Как живые
Глядят с фотографий
Люди
Сказочных биографий.
Шли они,
Поднимая роты,
Закрывали
Собою дзоты.
С них
Полка начинается список...

В ту же книгу
Он будет вписан.

Молча
Замерли батальоны.
Встал он,
Тихий и потрясенный.
Принимают
Его перед строем
Равным в братство
К великим героям.

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы пашем землю, строим города.
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.

Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля,
 полки,
 дороги,
 битвы,
 страны,
Торжественность великого момента.
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —
Тяжелое, горячее, большое,
Все в золоте червонном и шелку,
Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к древку.
Потом качнутся резко клубы дыма,
И — настежь люки танков, и взревет
Моторы в тишине неповторимой...
Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав, как понесут моторы
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнеры —
И номера полков произнесем!

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь, — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!.. Испортил!..»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,

Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом-Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русьй, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заране:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном —
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь донскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И, склонясь у полыньи на льду,
Шлемом зачерпнул воды механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навек меж собой.

А сверху, цементом пропыленны,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

И с могилою солдатской рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, — с утра
Раздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора!

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Труд людей, не знающих предела.
Битву суховеев и машин.

Он стоит, по собственному праву,
В центре дел над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

Свет звезд идет к Земле годами.
В ночь настужь распахни окно —
И, может, вспыхнет пред глазами
Звезда, рожденная давно.

Темны, глухи вселенной тропы,
А под окном трава звенит,
Стеклом и сталью телескопов
Прощупывается зенит.

Встают в стекле столбы стихии,
Отбушевавшие давно,
Вот так же свет Земли, России
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь мечте,
Свет движется во всей вселенной,
Живой, в межзвездной темноте.

Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В крови и пепле, во Вьетнаме
Уже воспрянул род людской.

Так у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год —
Над Петропавловкой ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.

В созвездье Лиры пыль клубится,
Горят костры, блестят штыки,

Буденновские колесницы
Багровый ветер рвет в куски.

Метет метелица стальная,
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаряя
Папахи, бурки и коней.

Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают запевалы,
Не засыпая до утра.

А от Земли в лавине света
К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду кремлевскую Земли.

ТАНКИ В СТАЛИНГРАДЕ

Встали танки энского полка
На бетонных вечных пьедесталах
Там, где насмерть гвардия стояла, —
От Красноармейска до Рынка.

Купол неба ярк и высок,
Тихо Волга плещется о сушу,
И легко ложатся на песок
Несгибаемые тени пушек.

И хотя разгромлена война,
Люки не задраили башнеры.
В башнях поселилась тишина,
Но знакомо воздух рвут моторы.

Дизельные жаркие сердца
Громко бьются на путях гудронных,
На полях пшеничных у Донца
И в забоях трассы Волго-Дона.

На века в соседстве здесь стоят
Башни танков, что на пьедесталах,
И у вознесенных эстакад
Башни шлюзов нового канала.

К миру устремленная земля
Солнцем залита, росой умыта,
В юные одета тополя
И броней танковой прикрыта.

Катятся мохнатые шары
Изредка по рыжему раздолью.
Все в степи погибло от жары,
Есть одно лишь перекасти-поле.

Пестрый шур, да суслик-истукан,
Да один на весь небесный купол
Ястреб, как старинный ятаган,
В синеве поблескивает скупо.

Я в степи не видел ковыля, —
Где он, в песнях и стихах воспетый?
Выжженная, голая земля —
Вовсе не лазоревого цвета.

Есть в степи иная красота.
Видел я: казак донской станицы,
Не узнав знакомые места,
Загляделся на ее зарницы.

Сколько клял он горизонт в пыли,
Что вскипал, бедою угрожая,
Сколько пропадало здесь земли,
И сгорало сколько урожаев!

И какой тут, к черту, красотой
Очаруют и заманят дали
Этой пропадавшей и пустой
Выжженной земли. Земли печали.

Но трехтонки поднимали пыль.
Воздвигая горы в котловане.
Экскаватор голой степью плыл,
Как корабль огромный в океане.

Вспыхнули вдали огни подряд,
И похожа стала степь на город...
Резал ястреб в высоте закат
И не мог перевалить за горы!

ЗВЕЗДЫ

В центре района, у штаба работ,
Где георгины цветут горячо,
Звезды участков поставил народ,
Планки фанеры обвив кумачом.

Лампочки — в каждой по тысяче ватт —
Не для красоты, а во славу труда:
План выполняется — звезды горят,
Плохо работали — гаснет звезда.

Так уж решили без лишних затей:
Краски заката в пыли отцветут,
Встанет, с разбега замрет суховей —
В штабе итоги работ подведут.
Пусть загораются в небе тогда
Пятиконечные знаки труда.

Свет их — бессонница конструкторов,
Точность прорабов, что стройку ведут,
Сила бетонщиков, мостовщиков,
Плотников пот и трамбовщиков труд.

Вечером синим далеко видны
Звезды, что силой труда зажжены,
По горизонту над степью подряд
Мачты соседних районов горят.

Где-то, невидные в дальних горах,
Лампы шахтеры зажгли на копрах.

Светит на северном склоне небес
Звездочка Марьинской МТС.

И потому, что вся наша земля —
Все до границ государство труда:
Трудится ночи, дни и года, —
Светят над миром звезды Кремля.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
«Фамилия... Имя... Отчество?»
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

«Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера».

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрал,
Уложит, чтобы не морщилась...
Марья Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: «Да как вы одна с заботами?» —
«Чего уж заботы мои, не смеси,
Вот уж ребята — работают».

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовку долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин,
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики,
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы отставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины
На энской заставе на дальней
У самого края страны.

Довернута «громкость» на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,
Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет.

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,
Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спокойно
На поясе свой пистолет.

Чтоб сеть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,

Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших, тяжелых
С границы приходит дозор...
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

— Порядок. Оружье почистить,
В сушилку плащи, старшина! —
Как бабочки, мокрые листья
Налипли на стекла окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят;
Он смотрит в ненастную темень,
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины
Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил, как стена.
И он старшину вызывает:
— Удвойте наряд, старшина.

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошвелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:

«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст
И упругая ветка под нею колыхнется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет —
Слышат все пограничники в строгих секретах,
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы колыхнутся —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

ЗАСТАВА ИЖЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соснами горит,
Ручей в бурлящем беге замер
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной.
Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита,
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что ушел в наряд,
Не зная о бессмертной славе,
Пришедшей много лет назад.

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой красе,
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.
В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.

А за окнами лето, в гимнастерки одето,
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень,
Загорелое лето идет на обед.

А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.
Над столами в столовой бачки словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.
Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью,
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою.
А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых,
Встали как часовые. Птичий смолк перещелк.

Солнце над гарнизоном. Небосвод прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

В КИНО

В колхозе — в кино, на экране —
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага —
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

Экскаватор встал с лопатой,
Как железный человек,
Кряжистый, сутуловатый,
Режет землю между рек.

Загребет ее сначала,
Поднатужится слегка —
И над бруствером канала
Черная летит рука.

А в кабине,
В майке синей,
Щуплый, шустрый паренек,
Но без паренька машине
Как без рук и как без ног.

Не поднять песчинки малой,
Даже с места не сойти,
Если бы не этот малый
Лет неполных двадцати.

Паренек безусый, русый —
В городе окончил курсы.
Агрегат зовет папашей,
Бьет ладошкой по плечу:
«Мы с папашей сутки пашем
И не устаем ничуть!»

Газ — ногою до отказа,
На себя рычаг рванет,
Подмигнет девчатам глазом
И такое скажет:

«Мне бы, девушки, по чину
Надо новую машину —
Да на Волго-Дон канал...
Я тогда бы жизни дал!»

Жизни дал
Рекорд вчерашний
Перекрыт.
Потрясены
Облаков крутые башни,
Нет на свете тишины.

Жизни дал! И землю режет
Ковш без устали в упор.
Жизни дал! Но только скрежет
Вдруг раздался, — встал мотор.

Встал, чихнув перед пригорком.
И большее нет в тот час
Шутки, чьей-то шутки горькой —
И не в бровь, а прямо в глаз, —
«Вот и Волго-Дон, вылазь...»

На брезенте — жестком, новом —
Весь разложен инструмент.
Подошли.
«Привет!» —
«Здорово!»
И пахло на момент
Далью памятной, которая
Озаряет жизнь мою,
Будто встретил у мотора я
Юность русую свою.
Вот стоит она — упорная,
Руки в масле до локтей;

Там, в бою за речкой Черною,
Кто придет на помощь к ней?
Мины ахают над пашнею,
Огонь в сухой траве,
И молчит с недвижимой башнею
Тяжелый танк «КВ»...
Будто снова я на фронте...
День горяч. Мотор молчит.
«Нет поблизости ремонтников», —
Механик говорит...

«Ну-ка, дай ключи! Умение,
Что далось ценой потерь
На войне, в боях-сражениях,
Пригодится нам теперь».
И в ладонь ложится веско
Сталь, привычная рукам.
Но отводит парень резко
Руку в сторону:
«Я сам!»
Сам! Холодный блеск железа
Отражается в глазах,
Ключ в ладонь упрямо врезан,
Капли пота на висках.
Наклонился к раме низко,
Будто весь в железо врос.
Первый раз меняет диски
Не на курсах, а всерьез.
А по глине на откосе
Все короче тень стрелы.
Парень помощи не просит, —
Пальцы рук его белы,
Вздулись мускулы под майкой, —
Заколодило, стоит...

И сказал я тихо:
«Дай-ка,
Силой тут не взять!»
Молчит.
Пододвинулся...
Паленым
Тянет в лица ветерок.
Дым идет от фрикциона...
Так и есть! Сцепленье сжег,

Но пошла вдвоем работа
Веселее... Он ко мне:
«Где учился?» —
«Да в болотах —
Подо Мгою, на войне.
До войны не приходилось, —
Сожалел не раз о том.
Научился — пригодилось...»

День идет своим путем.
Глухо лязгают лопаты,
На откосе тень стрелы
Вверх пошла...
«А я в солдаты
Не гожусь — лета малы.
Только я не унываю:
Вот придет пора служить,
Я мотор заране знаю —
Пригодится, может быть!»
Подмигнул легко, задорно...
В мирный полдень, не в бою,
Повстречал я у мотора
Юность русую свою.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забуть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —
Мы были с тобой в сорок первом
Таковыми, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на зяпад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.

Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли.
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечках мест.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,

К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —
Для всех друзей в том мае в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить,

В ЧАЙНОЙ

В новой чайной Дома крестьянина,
В дальнем Кичменском городке,
Два танкиста-однопольчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы, пальто на вешалку.
«Ты куда?» — «Ну, а ты как тут?» —
«Эй, девчата, давай не мешкайте,
Остановка на пять минут!»

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых,
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Поименно друзей припомнили,
Не пришедших издалека,
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,
И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом,
Все досказано и доказано
Про Европу, да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули синие,
Где-то дрогнули ковыли,
Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

РАКЕТЫ

В наше время скорости и света,
Штурма неба мировых высот,
У меня есть дальняя планета,
И с нее ко мне летят ракеты
В праздники уже который год.
Вот они выходят на орбиту
Памяти

по небосводу вновь.

В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.

Рвут они ночное покрывало.

Постоим, уйти повременим.

Вот уже как будто не бывало

Времени со сменой лет и зим.

Полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий —

Жаркая планета среди планет

Юности моей,

на белом свете

Памятней ее,

пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты —

Шлют воспоминания сюда.

Я стою в бесшумных вспышках света,

А вокруг меня режут года.

Плещет дым газойля горьковатый,

Тяжкая колыхается броня.

Снова в шлемах танковых ребята,

И дороги, полные огня.

Дружба — дружбой. Снова ради друга

По снегу товарищи ползут.

Я лежу под пулеметной вьюгой,

Но они пробьются и спасут.

Времени космическая бездна,
Как стекляшка, рушится у ног...
На земле нежней их рук железных
И надежней я найти не мог —
В садах, в ожогах, в солидоле, —
Вечная поэзия земли.
В чистом поле, во широком поле
Вот они машины повели.
Я стою под звездным ливнем жарким.
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность увозящие меня.
Замерло на площади движенье,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног,

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Уснула города громада,
И, может, час уже гремя,
В ночь за неделю до парада
Идут по городу грома.
На перекрестке иногда
Они встают в равнение стройном,
А дождь идет, течет вода
По стали пушек дальнбойных,
По башням, блещущим слегка,
И по парням в сукне и коже,
Глядящим с башен свысока
На редких в этот час прохожих.
Газойля дым, походов дым...
И, приобщенным к славе сталью,
Им думается, молодым,
Что за плечами плещут дали,
В которых Прага и Берлин,
Пожары, рейды, медсанбаты...
И вот они глядят с машин,
Как всё выдавшие солдаты,
И дела нету им притом,
Зачем без видимой причины
Стоит и мокнет под дождем
Уже немолодой мужчина.

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

НА УЧЕНЬЕ

Летит, клубясь, над танкодромом
Газоля дым в начале дня,
Где в сталь закованные громы
Стоят на линии огня.
Сейчас упругие затворы
Взрывная отведет волна,
Мелькнет в прицелах дот, пригорок,
Как будто там сама война.
Ее сейчас на том пригорке
Сомнет тяжелая броня.
Летят в дыму «тридцатьчетверки»,
Встают, ревя, столбы огня.
Сосредоточенны солдаты,
Ведь им уже давно слышны
Бомбежек тяжкие раскаты
Из дальней маленькой страны.
Проходят в небе строем «ИЛы»,
Молчат солдаты у машин,
Но это есть молчанье силы,
Которая брала Берлин.

В ДЕНЬ ТАНКИСТА

Может быть, в сорок третьем,
Может, в сорок втором
Ветки дымные ветер
Колыхал над костром.
Скрыта хвоей сосновой,
В стороне от огня,
Танков, к бою готовых,
Возвышалась броня.
Но гремящий, не дальний
Фронт забывши на час,
Кто-то с грустью-печалью
Мир припомнил из нас.
Он негромкое кинул
Невзначай в тишину:
«Вот костер и машины,
Как в степи на стану...»
И под пологом мгlistым
Оказалось, что тут
Шофера, трактористы
Наступления ждут,
Ждут его комбайнеры
С кобурой на ремне...
И пошли разговоры
У солдат на войне...
Как они рисовали
Край своих мирных дней,
Как они тосковали
По работе своей,
Как хвалили друг другу
Кто Алтай, кто Урал...
В этой памятной были
Сам я там тосковал...

Та пора миновала,
И на новых путях
След солдатских привалов
Не отыщешь в лесах.
Только память хранится,
Да — на страх всем врагам
Салютует столица
По торжественным дням.
Вновь кончается лето,
И сентябрьской листвой
В честь танкистов ракеты
Ввысь летят над Москвой.
А далеко сверкают,
И жарки и остры,
На приволье Алтая
Нынче ночью костры.
Кто-то там, на целинных,
Скажет вдруг в тишине:
«Вот костер и машины,
Как привал на войне...»
И поднимется рядом
У костра в тишине
Цвет гвардейской бригады
На примятой стерне.
И до каждого лично
Долетит из дали
Грохот залпов столичных
Над простором земли.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год,
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью,
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка Москва,
Пока еще булыжная, с церквями,
Она еще такою торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Еще ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной...

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,

В Москве построят университет, —
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул,
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова, будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем всё сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Под луною в некотором царстве,
Царстве стали, пара и огня,
Расставанья, встречи и мытарства,
Грусть и радость были у меня.

В нем живет от края и до края
На своих мешках и сундучках,
Неудобства свято презирая,
В неуютных мраморных дворцах,

На полах паркетных, полированных,
У дубовых тронов и ворот, —
Демобилизованный, вербованный
И командированный народ.

В нем поет за тридевятью далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны,

И, как в бабье лето паутинка,
Под гору к петляющей реке
От моста чугунного тропинка
В нем летит и тает в ивняке.

Было так, что сталь в узлы вязала
Бомбовая сила в том раю,
Уходили города к Уралу,
Кровью омывая колею.

И казалось, в некотором царстве —
Нет уже защиты от судеб,

Но на эшелонах бога Марса
Было писано: «Годны под хлеб»...

От небес железных и стеклянных,
Башен, транспарантов и платков
До сторожек грустных, деревянных,
В пятнах солнца, брызгах васильков

Вновь звезда зеленая не гаснет,
И поет, как иволга, рожок,
Люди, продолжая верить в счастье,
Пьют крутой бесплатный кипяток.

День и ночь сменяются без устали —
В тучах света, в ливнях и в пыли...
И летит, летит дорога узкая —
Две стальные нитки вдоль земли.

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —

В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червеной сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

ХЛЕБ КОММУНЫ

Я с детства начал жить в коммуне
За Бийском у Алтайских гор.
Под небом дальнего июня
Лежал ее земель простор.

Там, как в зеленом океане,
Все было общее до дна:
Дворы, дома и даже баня —
Для женщин и мужчин одна.

Загибы были — коль взглядеться.
Но я то время не сужу,
Я на него глазами детства
Без снисхождения гляжу.

Голубоваты, серебристы,
Плеща прохладою в жару,
Фонтаны тополей лучистых
В коммунегнулись на ветру —

На фоне синих, величавых
Гор, поднимающих хребты.
И в дудках, лопухах и травах
Порхали птицы, как цветы.

Звенела кузница за речкой,
И кто-то врал из нас, что там
Садится солнышко под вечер
И всходит в небо по утрам.

А на плацу, ветрам открытом,
Весь день над крышей дым столбом,

Неладно сшитый, крепко сбитый
Стоял столовой длинный дом.

Там пахло щами на пороге,
Там от дресвы белы полы,
Столы, расставив крепко ноги,
Хлеба к дверям несли из мглы.

Дрожал, врезаясь в корку с хрустом,
Весь в крошках, будто в рже, металл,
Румяный круглый хлеб капустных
След листьев снизу сохранял.

На двух больших ладонях словно
Пекли его в огне печи,
И он хранил их след неровный,
Все жилки, линии, лучи...

Всем одинаковый, бесплатный,
Коммуны хлеб, как тень и свет,
На длинных, струганых, щербатых
Столах некрашенных в обед

И в завтрак был и был на ужин...
А нам, ребятам, словно луг, —
Беги к нему, когда он нужен,
С ним рядом соль, зеленый лук.

И в жестяных бидонах потных
Обрат — снятое молоко.
Пируй, когда тебе охота...
Смешное детство далеко.

Ты быстро улетело, детство,
Уже твоих не слышно крыл.

Но в жизни есть одно наследство, —
И я нигде не позабыл

Коммуны хлеб. Под синим небом
Не раз я ел его потом —
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком, —

В ладонь с брони сгребая крошки,
Промерзшие, как серебро,
Под арналетом и бомбежкой,
Как смерть и жизнь, зло и добро.

Он черствым был, с огнем и горем,
Как слезы был, но в жизни мне
Он не бывал ни разу горек —
Ни в детстве и ни на войне.

И я считаю счастьем личным
Все, что мне жизнь несла, даря:
Коммуны круглый хлеб пшеничный
И ветер близкий Октября.

★

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено.
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжкой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

ЛЕНИНСКИЙ БРОНЕВИК

Шел апрель семнадцатого года.
В Петрограде, за рекой Невой,
Открывая к счастью путь народам,
Ленин стал на башне броневой.

Берег революции гранитный,
Тысячи людей к плечу плечо...
С той поры во всех великих битвах
Броневик был всюду с Ильичем.

Он стоял у Смольного в дозорах,
Согреваясь у костров ночных,
Зимний брал, как младший брат «Авроры»,
Впереди отрядов штурмовых.

А когда Антанта на Советы
Двинула со всех сторон войска,
Говорят, что на гражданской где-то
Затерялся след броневика.

Нипочем ему огонь орудий,
Он ходил в метели и огне,
Говорят, его видали люди
В трудный час почти по всей стране.

Лентой пулеметной опоясан,
Комиссар в кожанке, большевик...
На немислимых путях и трассах —
Всюду появлялся броневик.

И однажды с ходу, с разворота,
Говорят, прорвавшись сквозь туман,

Он увидел оком пулемета
В самом деле Тихий океан.

Черный дым на горизонте таял —
От эскадры иностранной след.
Облака летели из Китая,
Кувыркались чайки, плыл рассвет...

Кончилась гражданская. И снова
Не могли его нигде найти.
Может, был он демобилизован,
Может, в кадрах службу стал нести.

Скромный, рядовой слуга народа,
Верный долгу, старый большевик,
Снова он в предгрозовые годы
Объявился людям — броневик.

На него в войну равнялись танки,
Рвя блокаду бурей броневой.
Он опять ходил во все атаки,
Был под Сталинградом и Москвой.

Ветеран боев за власть Советов,
Миру, солнцу вешнему открыт,
Он и по сей час, в броню одетый,
В Ленинграде над Невой стоит.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Я повстречался с ним в Париже —
В Париже с русским, с земляком,
С потрепанным, притихшим рыжим
Моим врагом к лицу лицом.

Его случайно не добили
В котле в Курляндии еще.
На пляс Пигаль из водной пыли
Он вынырнул, блестя плащом.

Он появился вдруг, как будто
Из тьмы и праха плотью стал,
Едва по брюкам пресловутым
И папиросам нас узнал.

Щербатый рот в улыбке ширя,
Он злость смирил не без труда:
«Ну, как у нас, в свободном мире,
Вам приглянулось, господа?»

Ну что ж, мы были господами
Пред ним, а он и здесь чужим,
Париж дружил не с ним, а с нами,
И мы заговорили с ним.

«Валяй, — беззлобно мы сказали, —
Выкладывай, чем ты богат!»
За нами города вставали —
Москва вставала, Ленинград...

России зори на полсвета,
Ее и завтра, и вчера.

За ним — лишь, глядя на ночь, где-то
За тридцать франков конура.

Мела на пляс Пигаль свобода
Нейлоном юбок камень плит...
Нет, он не лез без брода в воду
И был отнюдь не лыком шит.

Огней кричащую рекламу
Он не призвал на помощь в спор,
А, так сказать, с высот Нотр-Дама
Вести пытался разговор.

Он взвыл: «У вас с искусством плохо,
Зашла поэзия в тупик,
Я за Есенина, за Блока,
За их божественный язык!..»

Слова выплевывая люто,
Спешил он, словно встрече рад,
И я услышал в ту минуту,
Как бьет немецкий автомат.

В Курляндии, в сорок четвертом,
Он бьет, страхась сдаваться в плен,
К стене припертый, в злобе мертвой...
Но здесь Париж шумел у стен.

И мы сказали: «Что ж, неплохо,
Твоя хула для нас — хвала.
Но ты Есенина и Блока
Не тронь, а то сгоришь дотла».

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз

Встречался я за эти годы
С прищуром лютым мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад,
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Идет поэзии пехота,
В пыли и глине горяча,
Но если хвалит враг кого-то,
Я не спешу рубить плеча
И утверждать, что это плохо.

Я помню, выверяя шаг,
Как за Есенина, за Блока
В Париже мой хватался враг!..

В ПРАГЕ

Над синей Влтавой в Праге старой
Цветут высокие каштаны,
Воркуют голуби у арок,
И в солнце-золоте Градчаны.

На площади старинной Праги,
Среди цветов весенних алых,
Стоит, как память об отваге,
Тяжелый русский танк с Урала.

Под ним с утра играют дети
На теплых плитах тротуара.
Им кажется на белом свете
Стоит он вечно в Праге старой,

Не рвется он огню навстречу,
Тяжелый, грозный бог атаки, —
Под ним цветы пылают вечно,
И вечно солнцем светят траки.

На башню голуби садятся,
Тепло от плит брони струится,
И мирно о него дробятся
Дождя и радуги зарницы.

И детям кажется недаром,
Что с Прагой он в разлуке не был:
Над синей Влтавой в Праге старой
Победа стала солнцем, хлебом.

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И лозунг тот — хоть час, да мой —
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.

В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — в дальнем далеке —
Идут, идут полки...

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи выкладкам бесспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой —
Как в гимне партии поется:
«Ни бог, ни царь и ни герой», —

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях

Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горячей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Д. Хренкову

Быть может, это и не модно,
Но у людей, как у людей,
Они хранятся на комодах —
Тома истории семей.

Люблю семейные альбомы:
Там со страниц на мир глядят
По линии мужской знакомо
Три поколения солдат.

Все молодые, все похожи.
Пусть новый день шумит вокруг!
Там дед не старше, не моложе,
Почти совсем такой, как внук,

Что смотрит с пристальной отвагой,
Сфотографирован на днях
На фоне полкового стяга, —
Семьи надежда и броня.

А дед в шинели, серой, длинной,
Оперся на эфес рукой,
Как будто богатырь былинный
В высоком шлеме со звездой.

Глядишь, и кажется, с налета
В огонь, в степные ковыли
Тачанка в громе пулемета
Опять летит на край земли.

И он на ней, лихой и юный,
И знамя плещет у щеки,

И клич: «Да здравствует коммуна!»
Гремит на все материки.

А там, на деда так похожий,
Как будто дед не постарел,
Сын — и не старше, не моложе —
Все так же молод, прям и смел,

Знакома мне его дорога:
Ведь в сорок первом в ранний час
Труба, сыгравшая тревогу,
В ружье подняла вместе нас.

И на четыре года с лишком
Ушел солдат в огонь и гром.
Я знал о нем не понаслышке
Под Мгой, под Курском и Орлом...

Лет грозных жаркая зарница,
Она одна на все года,
Горит, горит на всех страницах
Пятиконечная звезда.

И ты сидишь, альбом листая, —
Как будто трогаешь рукой
Огни костров и даль без края —
Историю земли родной.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони над костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты —
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.

Позади и впереди война,
За спиною гати и болота,
А у ног одна лужайка сна
На снегу, тепла и зелена.
Есть охота, очень спать охота.

И мечта клокочет на углях,
Дышит пшениным теплым ароматом...
Это только в песнях и стихах
На привале думают солдаты
Все о славе бронзовой в веках.

Рядом с ними перед тем костром
Я сижу на лапах мерзлой хвои,
Слушаю тревожный зимний гром,
Лью газойль на сучья под ведро,
Глажу пламя по спине рукою.

Тени жестки, быстры и прямы,
Смотрит танк орудья черным оком,

Весь в мохнатом инее зимы,
В даль, которую откроем мы
На рассвете заревом с востока.

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белобрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем.

Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут —
В небе пламя плещется костра
Вити, Коли, Саши и Петра.

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча без речей, без споров
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собранья —
Их посещала родина сама,
Их окружали стывшие в молчанье
Пятидесятитонные грома..
И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.
Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но впятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЫЛЕ

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.
В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С пайком на неделю законным,
Что выдал румяный начхоз.
Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сынок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.
И, спрыгнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полночно-тихом
Я встретился с правдой самой.
В нетопленном спящем вокзале
Я в кружку набрал кипяток
И пахнувший хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.
И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:
Две женщины, с матерью дочка,
Проснулись в недалеком углу.
Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделись оттуда
В стыдливой и скорбной тоске
На хлеб, две проезжих хозяйки,
Что сами его и пекли
Для фронта в тылу. Без утайки,
Как только они и могли.

Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
«Продайте нам хлеба, сынок...»
Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода...
Иначе не скажешь, — хозяйка...
Сама высока и горда.
Я слов благодарных не слушал..
С росинками радостных слез
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.

А с флангов жгут термитными
в упор

Тяжелый танк...

И, пламенем задетый,
Захлебываясь дымом, взвыл мотор...
Как молнии, во тьму пошли ракеты,
Багровых вспышек непрерывный ряд,
Тяжелых взрывов круглые раскаты —
Но вот уже орудия молчат
И пулеметы,
И пошли солдаты.
И грозное победное «ура»
Вдаль понесли железные ветра.
И мы пошли, гремели дизеля,
Ночь огненными крыльями

махала,

И, колыхаясь, грузная земля
В прицелах танков на дыбы вставала.

Взошла заря, с утра летят ветра,
Седые клубы дыма разметая,
Огонь зари как бы огонь костра:
В золе и пепле вся передовая.
А над блиндажем, из последних сил
Поднявшись к небу, как на пьедестале,
Он все еще горел, еще чадил,
Когда его штабисты отыскиали.
Полковник снял в молчанье с головы
Тяжелый шлем. Замолкли офицеры.
Все было здесь понятно для живых:
И это утро, этот пепел серый,
И втопанные в землю сапоги,

И пушки, искореженные сталью,
И танк над всем побоищем...

Таким,

Таким он и стоит на пьедестале.

«Пускай стоит, чтобы кругом цветы,
Чтоб виден был народу издалика... —
Сказал полковник. — Чтобы с высоты
Орудие смотрело черным оком,
Как в Крым везут и в Сочи поезда
Далеких мирных жителей на отдых,
Как ночью с неба падает звезда,
Сменяются закаты и восходы...»
Горелой краской пахло от брони
И известью сырой от пьедестала...
«Пусть дети здесь играют, им в тени
Не жарко будет...» — медленно сказал он,
И рухнула обвалом тишина,
Мы на ходу задраивали люки,
И пороха тяжелая волна
Затворы пушек отвела со стуком.

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.
По толще стали ты определи,
Какие были витязи когда-то,
Коль на плечах своих носить могли
В полсотни тонн брони гремучей латы.

Танк слышит, как грохочут поезда,
И эхо долго в башне не смолкает...
И по ночам высокая звезда
Встает над ним, горит и потухает.
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

ОДА СОВЕТСКОЙ АРМИИ

|

Под Пулковом, под Ропшей, под Кипенью,
Февральскою поземкою пыля,
Раскинулась, привыкшая к терпенью,
Железом начиненная земля.

Мороз дерет, и режет ветер колкий
И над Вороньей кружится горой.
Смолой заплыли рваные осколки
Под грубою сосновою корой.

Серебряным стеклярусом подвесок,
Где теплились бивачные костры,
Звенит поутру молодой подлесок
По берегам заснеженной Сестры.

Снега. Снега. Рассвет чистой пробы
Встает над миром тихим, озарив
Высокие горбатые сугробы
И льдинами закованный залив.

Где за Кронштадтом, призрачны и хмуры,
Как памятники нашей правоты,
На зимнем солнце щурят амбразуры
Застывшие бетонные форты.

Уходит след за перелесок ближний
Через кусты на дальний косогор,
И сразу открывается за лыжней
Далекий ослепительный простор.

Где стелют трубы в небо голубое
По горизонту дальние дымы,

Где жизнь идет в заботе и покое
Первоначальной свежести зимы.

Там Ленинград — начало первой песни.
Там первый бой и первая любовь.
Былая слава! В памяти воскресни
И жизнью стань для новой жизни вновь.

Трех войн и революций ветераны,
Смерть и огонь прошедшие уже,
Как на сосне, зарубцевались раны
У нас с тобой на сердце и в душе.

Огонь в душе и в сердце —
вечный Ленин,
И путь вперед широкий,
как Нева.

Преемственность отважных поколений
В одном порыве Родины жива.

2

Огнем дышал февраль под Псковом.
На Петроград издалека,
Построенные образцово,
Пошли немецкие войска.

Им все казалось ясно, просто,
Нет на прямом пути преград.
Захвачен будет с ходу Остров,
А дальше — Псков и Петроград.

Армейских труб не слышно рядом,
Навстречу не встают штыки,

Но залились над Петроградом
Заводов долгие гудки.

Они трубили, как горнисты,
И, строя роты на ходу,
На Запад вышли коммунисты
В том восемнадцатом году,

Равняя первые колонны
Бессмертной силой жарких слов:
«Вставай, проклятьем заклеянный
Весь мир голодных и рабов...»

И мир узнал впервые силу,
Что, всем уставам вопреки,
Вспять в феврале оборотила
Железом сбитые полки.

Не для парадов, в поле чистом
Начав в далеком феврале,
Ее ковали коммунисты,
Как меч народа на земле.

Она с тех пор водила взводы
В огонь — в лесах, в горах, в степи,
Когда казалось — нет исхода,
Патроны кончились в цепи, —

Над бруствером окопов мгlistых
Вставал матрос или солдат
И клич: «За мною, коммунисты!» —
Гремел по всем фронтам стократ.

И жест ладони в те мгновенья
Над головою повторял

Знакомый жест, с которым Ленин
Весь мир рабов на бой поднял.

Войны гражданской комиссары,
Легендой ставшие для нас,
На них рассчитывал недаром
Товарищ Ленин в трудный час.

О них мы пели наши песни,
Еще не зная, что встает
Тот день, от Балтики до Бреста
Огнем зажегший небосвод.

И сразу маршевые роты,
В зенит кричащая труба...
Огнем, железом, кровью, пóтом
Не обделила нас судьба.

Все за чертой того рассвета —
И неизвестная досель
В стихах военного поэта
В углях и пепле Карбусель,

И ночи грозные Гангута,
Войны железная страда,
И та особая минута,
Что не забудешь никогда,

Когда партийное собрание,
Прослушав, как ты жил, служил,
Тебе присваивало званье,
Что Ленин с гордостью носил.

Все одолел на свете беды
Полков Отчизны рядовой.

Его путиловский рабочий
Рабочей гвардии вручал,

Оно как пламя в очи било,
Горело в головном строю,
Три поколения водило
В бои за родину свою.

В огне, в снегу непроходимом
Кипел — живуч, горел — горяч,
Пропахший порохом и дымом,
Прошитый пулями кумач.

В ночи, изхлестанной метелью,
Сверканьем солнца на заре
Оно цело под Карбуселью,
В бою на Пулковской горе.

В лесах, в болотах, по долинам
Иных земель, где скрылся враг,
Оно вставало под Берлином
И поднималось на рейхстаг.

Прошедшее сквозь пламя с нами
И не слетевшее с дрезка,
Сейчас стоит в казарме знамя —
Как жизнь гвардейского полка.

Застыв, не дрогнув бровью даже,
Спокойно стиснув автомат,
Стоит, как бронзовый, на страже
Под этим знаменем солдат,

У ЗНАМЕНИ

На плац широкий вдоль молчащих рот
В дни торжества полка или державы
За ним идет вооруженный взвод
Согласно строгим воинским уставам.
Два ассистента около древка.
А шелк кипит и гордо в небо рвется...
Под ним был начат грозный путь полка
И славу обретали полководцы.
— Под знамя смирно! — Замирает полк.
Бесшумно время в ту минуту мчится.
Осветит лица алый жаркий шелк,
И суровеют молодые лица.
О нем поется в песне строевой,
В той, что еще в семнадцатом сложили.
Под ним отцы ходили в штыковой,
Когда патроны на исходе были.
Встал генерал. Рука у козырька,
Недвижимы сыны-однополчане.
Над мирным построением полка
Летит красноречивое молчанье.
А в синем небе на ветру тугом,
То снова трепеща, то замирая,
Полна живым немеркнувшим огнем
Горит, зовет святыня полковая.

Над лесами и селами,
Там, где даль голуба,
Запеваёт веселая
Полковая труба.
Будит рощи рассветные,
Кличет в дальний поход,
И, в шинели одетое,
Наше утро встает.
Встало воинство братское
И в лесу и в степи.
Наше дело солдатское —
Оборону крепки.
Бей в мишени старательно,
Танк тяжелый води,
Как в бою с неприятелем,
Будь всегда впереди.
Будь отличником-воином.
Нам забота одна —
Чтоб трудилась спокойная
Вся родная страна.
С городами и селами,
С пеньем птиц и машин,
Вся с лесами и долами —
В алых флагах рябин.
Над армейским содружеством
Горн веселый поет,
Нашу славу и мужество
Поднимая в поход.

Над Москвой в колокольном небе
В красный праздник в далекий год,
Кувыркаясь, белый, как лебедь,
Одинокий плыл самолет.
Молодой, но вполне бесстрашный
В небе петли крутил пилот
Так, что ахал, задрал фуражки,
Возле Спасских ворот народ.
И глядел в небосвод осенний
Не с трибуны, а с мостовой
На него из-под кепки Ленин
Вместе с праздничною Москвой.
А страна вокруг небогата,
Не велик, не грозен парад, —
Иностранные дипломаты
Признавать ее не спешат.
Но летит над землей осенней
Самолет, как державный флот,
Но глядит, улыбаясь, Ленин
В небеса у Спасских ворот.
И фотограф принес треножник,
Чтобы это запечатлеть.
И спокойно с тех пор не можем
Мы на этот снимок смотреть,
Потому что в то утро Ленин
Видел в небе над головой
Не один самолет, как лебедь
Проплывающий над страной...

Он один остался в кабинете,
По бумаге движется рука.
За окошком ночь, зима и ветер.
Тишина. Ни стука, ни звонка.

День ушел с Москвою и фронтами,
Но, оставшись с будущим вдвоем,
Занят он не праздными мечтами,
А спокойным пристальным трудом.

Где-то хлещут землю пулеметы,
Конница клинками небо рвет.
Но уже он в наши вник заботы,
Вместе с нами, среди нас живет.

Было так!

Ведь в наши дни недаром
Найденная в той ночи строка
Вдруг обдаст живым, не книжным жаром,
Озаряя нас издавика.

И звучат над миром, над Россией,
Подтверждая, как она права,
Ленинские точные, живые,
Как сейчас рожденные слова.

Всё, говорят, на свете образуется,
Всё в жизни станет на свои места.
И Дон-Кихот под старость образумился,
Но разум не надгробная плита.
Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним и честным и прямым
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.
У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама как поиск и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и льда...
Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал,
И подвели, — подумаешь, удар еще,
Не молод я и многое видал.
Горел и мерз и пировал как следует,
Ну подвели, — отбился — пустяки.
Но мысль одна с тех пор меня преследует
Как быстро образумились дружки.
Разумные, — врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружкой,
Но в дружбе что-то все-таки загажено,
И это не отмоешь коньяком.
Да здравствует святая сила разума
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.
Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторю.

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский всё же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР.
И в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов, —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнца в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,

И тишина, ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали всё без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях, —
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих..

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока «ЗИЛов» и «Побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры,
Шелков и ситца полные «Кометы»
Уносятся на взморье от жары.

А он всё поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах —
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем, —
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он недаром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвенит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам нынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими косы и руки,
Но из целого счастья
Взахлеб
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор не прошедший озноб.

Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствуя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя.
Слов несказанных,
Песен неспетых,
Как ушедших годов, не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах, — не взглянуть.

Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может и больше, с собой
Унесли от них те, что Отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душевные грозы,
Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звёзды
И кострами знобят вечера.

Кто-то, вскинувши руки под небом,
Полыхает, как в пламени куст...

Это всё не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают
И гремят соловьи за рекой.

Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет, —
На земле не кончается лето...
«Сорок лет — бабий век», —
Весь ответ.

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром ночной аэродром.
Повзводно, ротной, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там в небе самолетов след,
Как резкий свет кинжалных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках как дýма.
О знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.

Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив, — работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зелена́,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит,
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник;
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявщие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот,
Кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, — наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг,
Собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, сёла, города!
И первый лишь второго ради
Мог всё снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй,
Чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.

Значит, рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый,
Не бог, не царь и не герой.

И Русь не та, и русские не те...
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те, и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь, когда
Пойти вослед, так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор, когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы?
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа и ума
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

Они верны без страха и измены
Той партии, в которой состоят;
А ей подвластны даль и глубь
Вселенной,
И нет на свете никаких преград.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА

Места, где Ленин был когда-то,
Не просто памяти места,
И времени бывшего даты, —
Их люди ценят неспроста.

Вот лес. Поляна. Всё как всюду.
А вот трибуна или дом.
И всё вокруг понятно людям,
Знакомо, как в краю любом.

А он ведь здесь вершил такое,
Что всё меняло на земле.
Была трибуна полем боя,
И этот дом, и лес во мгле.

Глядят, молчат, уходят люди,
Как будто что-то унося.
И в час, когда им трудно будет,
Когда уже стоять нельзя,

К ним, старым, молодым и юным,
Придет, как солнце, может быть,
Вот лес, поляна, дом, трибуна, —
Стоять, сражаться, победить!

КУРГАН-ГЕРОЙ

Я слышал, что курган Мамаев
В бетон и мрамор одевают,
Ревут бульдозеры и скреперы
Над зимней Волгою с утра,
Сшивается стальными скрепами
Сегодня наше и вчера.
Так, значит, верно, в самом деле
Прошло с той битвы двадцать лет,
Когда в солдатские шинели
И в ватники он был одет.
Когда сто дней катились волны
Свинца и пламени над ним,
А он стоял сто дней у Волги,
Прикрытый мужеством одним.
И пусть оно предстанет в мраморе,
Пока еще тревожен век.
Над ним всегда в дыму и пламени
Лететь на землю будет снег.
И из траншей неперекопанных
Вставать солдаты будут в рост
Над Азией и над Европю,
Ушанками касаясь звезд.

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы словно в молодость мосты.
Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.
Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера иду до Зимнего
К себе и в молодость отцов.
Пусть наотрез права пословица,
Я с ней не спорю, не хочу.
А песня всё-таки не клонится,
И ей такое по плечу.
Смотри, взошла она, и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою,
И снова славе нет конца.
И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить
Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы —
Признание себе не песнями
Снискавшие в огне бойцы.

МИРНАЯ ПЕСЕНКА

Сквозь страхи века атомного грозные
Ко мне приходит нынче неспроста,
Пронизанная ливнями и звездами,
Как солнце неотступная мечта.

Гражданские заботы перевесили,
Распущены солдаты по домам,
Война уж не работа, не профессия,
И незачем глазеть по сторонам.

В мартенах танки с пушками ворочая,
Старательно вращается земля,
Спокойная, зеленая, рабочая,
Антеннами травинок шевеля.

И мы — как будто пыльные реликвии,
Действительно которым нет цены,
С последней, называемой великою,
Историей оправданной войны.

Вы скажете — фантазия, идиллия!
Ну что ж, я оптимист и фантазер.
Но если страхи в мире победили бы,
То б шар земной не дожил до сих пор.

И с каждым днем крепчает убеждение,
Что только так должно быть на века.
Фантазия становится движением
На всех пяти земных материках.

И в сторону мечты быстрее вращаетс=
Под звездами и ливнями пыли,
Хотя кому-то это и не нравится,
Любимая людьми навек земля.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звёзды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле, —
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчек петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свея
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи, —
Чье-то сердце опять
Над землю стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

**«Всем и всем» — под звенящими льдинками звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.**

«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS»,
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рез океанов и материки
Узы дружбы, как меридианы, крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови.
Вся планета окутана дымкой любви.

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золота,
И, в кроне солнцем обливаясь,
Звонит и рвется высота.
Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшимся когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна.
Не властно время
Того, что было, изменить.

По Неве к Валааму плывет теплоход, полон песнями.
Но сердца, словно компасов стрелки над аномалией,
Бьют о рёбра вовсю, будто тесно им, тесно им.
А водителю Вите лет двадцать, не более,
Столько, сколько нам в армии было когда-то.
Он включил себе радио, не идет с нами в поле,
Наши слёзы и песни ему непонятны.
Что ему это поле, — как нам Куликово, не боле!..
Хлещет радио джазами над погостом в костях и металле.
Мы с товарищем, с нашею славою, с болями,
Эпопеей для Витьки, историей стали.
Только мы не история, мы в нее не годимся, —
В нас ликуют и плачут железные годы,
И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»,
Делят хлеб и патроны у бездонного брода.
Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны,
Нам бы надо обидеться на курносого Витю,
Но у жизни есть горя и счастья законы,
Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.
И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью мучиться?
Ах, зачем, всё равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах,
Полон Витька к истории благодарности и уважения.
Он глядит на шоссе и на девочек в брючках, без усталости
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

Вчера еще со школьной парты,
В том ничего плохого нет,
Идут в поэзию, как в партию,
Мальчишки в восемнадцать лет.
Они от дела днем не бегают,
Им дела нету до себя.
Они стихи ночами делают,
Отечество свое любя.
В них ложь они клеймят запальчиво
И с косностью вступают в бой,
И в том они отнюдь не мальчики,
Как именуют их порой.
Им мало на заводах вкалывать,
Науку грызть, пахать поля.
В них силы вложены не малые,
Такая уж у нас земля,
Где с детства воздух революции
Пронизан молниями лет,
Где деды вечно остаются
Мальчишками с клинком в седле,
Где кровь отцов звенит и требует,
Чтобы на свете никогда
Вовек войны проклятой не было
И чтоб не встали те года,
Когда людей хватили вороны,
Закрыв крылами белый свет...
И пусть на всё им хватит порошу,
Мальчишкам в восемнадцать лет!

Я давно увидел в первый раз —
Как оно меня не ослепило! —
Чудо женское зеленых глаз,
Где, когда, не помню, это было..»

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным взглядом..»

Два дождя стоят в ее зрачках.
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить — занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемерно веская —
По радио примчалась весть,
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до донышка видна
С поры далекой, незапамятной,
На целый белый свет одна,
Горя своим горючим пламенем.

Три полбутылки на столе
Плодовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
«Валюша, Валя, Валентина!»
Судьба — не песня соловья,
Не все вернулись из Берлина.

Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слухом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Быстрее, чем шар земной наш кружится,

Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька!

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слёз солеными,
Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка кружится любимая.
И день, как колокол, гудит
Над придорожными рябинами.

**Старый снимок
1964★1971**

Старый снимок
Нашел я случайно в столе
Среди справок,
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле!

Шлем ребристый кирзовый,
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки, что солнца пыльца.

Не целован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня.
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.

Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей?
Как жгут мосты саперы,
Настили руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпили колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет —
Мосты саперы возведут
И город вновь в их лица глянет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

Я снова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил,
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, зная, меня жалея очень,
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только — нет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма —
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна,
«Нет, морфия не дам», — твердила,
И помню также, как она

На перевязку вывозила,
Катала бинт, как снежный ком,
И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно, одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала
Не дрогнув женская рука.

А ты все медлишь..

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опоки.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день, и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки..
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

В БРЕСТЕ

Здесь первый шаг свой сделала зюна
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.
Бетона глыбы разметал тротил,
Черны провалы старых казематов,
И прячутся ромашки меж могил
На кладбище, где спят одни солдаты.
Не все еще известны имена
Тех, кто стоял здесь насмерть в сорок первом,
Тех, кто отдал ей честь свою и верность,
Когда еще спала вдали страна.
Но в небесах синеют здесь глаза
Солдат, взглянувших первыми на пламя.
Стирается во времени гроза
Квадратных крыльев с черными крестами,
Уходит взрывов дальняя волна
В историю на тихие страницы...
И над землей встают их имена —
Русоволосых, юных, круглолицых.
Не бронзою звенящую строкой
Встают они над крепостью старинной —
Раскатом соловьиным над рекой
И поездом, идущим до Берлина.
Не требуя ни славы, ни наград,
Все, что могли, свершили здесь солдаты.
Год сорок первый только ими свят,
Без них бы не настал и сорок пятый.
Я в Брест вхожу, как в сорок первый год.
Гремят о землю тяжкие удары,
И принимает комендантский взвод
На грудь свою железный натиск армий.

Он не был вероломством потрясен
И паникой внезапности охвачен,
Бесстрашно ждал минуты этой он, —
Как мог бы здесь он устоять иначе?
Без гимнастеров, с коек на траву,
Расставив прочно сошки пулеметов,
Залег он здесь, у крепости во рву,
Как на Берлин идущая пехота.
Год сорок первый, сорок смертный год,
Но в нем встает, здесь присягнув державе,
Не отступавший комендантский взвод
В крови, железе и бессмертной славе.
Встает он в соловьиной стороне,
В росе и травах молодых по пояс,
И слушает, как мчится в тишине
«Москва — Берлин», зеленый скорый поезд.

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: «Напиши про нас!
Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим, не прячься, не таясь...»
Про то, как мы тоскуем.
Ты таланта
Не пожалей
И напиши про нас».

А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал. Как тосковал я сам,
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали... Я отказывал друзьям.
Я говорил им, сонным и усталым:
«Отстаньте, я пишу письмо домой...»
Домой! И лица им улыбка озаряла:
«Прости, пожалуйста, само собой...»
Они валились в сны свои на нары,
Коптилка замирала в тишине.
И я писал, за то им благодарный,
Что не мешали мне.

А ночь в громах ворочалась снаружи,
Стучала пулеметною строккой.
Я юным был, и было мне не нужно
Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

Через двадцать лет по всей державе
Снова песни старые поют,
В маршах, в залпах, в музыке и славе
К нам воспоминания идут.
...Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен, ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.
Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.
И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.
Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая...
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

★

Мы для костров рубили топором
В землянках все, что было нашим бытом.
Разогревали масло над костром,
Настраивали рации открыто.
Чехлы срывали с пушечных стволов,
Делили водку, заводили танки,
А над землей в ту ночь огнем мело,
Ревело небо перед днем атаки.
И кто из нас тогда подумать мог,
Что вспомнят через два десятилетия
И эту ночь, и день, пришедший в срок,
И праздником страна его отметит.
Кто мог подумать и вообразить,
Что будут оды и статьи в газетах.
Минуты не было, чтоб покурить,
Не то чтобы еще мечтать при этом.
Дрожала из конца в конец земля,
День занимался над равниной белой,
Как трубы, грохотали дизеля,
Сталь на морозе колоколом пела.

СОЛДАТСКИЙ МАРШ

В этот день гремели марши, марши —
Громогласны, бравурны, легки.
Из Берлина воротились наши
Славой осененные полки.
Но не вспомнить всех гремевших песен,
Маршей всех в тот день победный наш.
В этом дне один далекий есть он —
Навсегда запавший в душу марш.
Смолкли трубы сводного оркестра
Громом перекатным по стране,
И возник

не медный, не железный

Стук сапог солдатских в тишине.
Он катился по земному шару —
По лесам, по пашням, по траве...
Шли солдаты

шагом,

шагом,

шагом,

Шли по Красной площади в Москве.
Шли без труб, без музыки, без грома,
Словно в чужедальной стороне.
Шли привычно, тяжело, знакомо,
Как четыре года по войне.
Как в походе, как это бывает.
Лишь врвался в шаг нежданно вдруг,
На мгновенье ритм перебивая,
Дерева сухой трескучий стук.
Словно кто-то сваливал поленья
В кучу с ходу, прямо через борт.
Это к Мавзолею на ступени
Падали штандарты вражьих орд.

Это шли солдаты шагом, шагом, —
Ряд за рядом, тысяча рядов.
И бросали стяги, стяги, стяги
Армий, эскадрилий и флотов.
С той минуты по земному шару
Не стихает, помнится, гремит,
Как идут солдаты шагом, шагом,
Как летят штандарты на гранит.

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

На сцене в пионерском хоре
Поют бесстрашно пацаны
Стальные песни из истории
Отечественной войны.
На сцене, голосами ломаными,
Под медь трубы и барабан,
Поют «Вставай, страна огромная» —
Гимн всех солдат и партизан.
А в зале словно бы в печали —
И седина, и ордена —
Сидят родители в молчаньи,
Как вставшая на бой страна.
На этом пионерском сборе
Они почувствовали вдруг,
Что стали эпосом, историей,
Что времени замкнулся круг.
Что где-то снова рядом с ними
Дружки, погибшие в бою,
А барабан гремит во имя,
А голоса зовут, поют.
Как будто не мальчишки юные
Под красным знаменем, а полк, —
И поступь у него чугунная —
Здесь, в школе, встал и вдаль пошел,
Застыли в тихом зале матери,
У глаз расширенных платки:
На бой смертельный с неприятелем
Уходят милые сынки.
Уходят вдаль и не вернутся,
Уходят в пламя, дождь и снег,
А матери всё остаются
Из года в год, из века в век.

Смешались времена и даты,
Глядит в глаза отцов война.
Из века в век идут солдаты,
А родина на всех одна.
На всех — на тех седых в молчаньи,
На всех — на тоненьких юнцов,
Что, словно бы однополчане,
Поют на сцене песнь отцов.

Ракетами, как луг ракетами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли,
Луга, леса, поля зеленые,
И глуби вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

КУБЕ

Не скрываю, что очень понравился мне
Незнакомый заморский один человек,
Он в солдатской рубахе, с кобурой на ремне
И пудовых ботинках, пошитых навек.

С ним бы хлеб разломил,
Стопку отдал свою —
Человек этот был,
Всем известно, в бою.

Знает мир, а не зал,
Как с открытым лицом
Фидель Кастро стоял
Под огнем и свинцом.

Он идет по проспекту, высок, бородат,
Отдыхает ладонь на широком ремне.
Революции Кубы трибун и солдат,
Как он нравится мне.

В сорок третьем метельном, военном году
В тридцать третьем отдельном гвардейском полку,
На дыбы поднимая «КВ» на ходу,
Мы свое повидали на нашем веку.

Средь кипящего зарева стали и льда
Верный берег полка плыл за нами упрямя,
Тыл пока... Ну какой это тыл! Но когда
Мы из боя к своим возвращались друзьям,

Нам постель уступали они у костра,
Отдавали пайковую водку свою

И дежурили рядом в снегу до утра,
Потому что мы только что были в бою.

Знаю я, что такое солдатский ночлег
И сто грамм, что без слова друзьям отдают...
Как мне нравится этот чужой человек
В незнакомом, заморском, далеком краю,
Побеждавший в бою.

СЛОВО СОЛДАТА

Белый аист на рисовом поле зеленом,
Ветка пальмы у синего моря — Вьетнам.
Он стремится паруса разноцветные джонок
И баньяны несет к золотым небесам.

На плече с коромыслом по красным дорогам
Он спешит, от зари до зари хлопоча,
Маячки зажигает у тихих порогов
Под бамбуковой кровлей, как порт по ночам,

Я таким его помню до пляжей Халонга,
Я таким его видел, приехав к друзьям.
Но грохочет над миром ударами гонга
И разносится в мире тревогой Вьетнам.

Он как фронт, на котором меня еще нету,
Обливается кровью, но знает и ждет:
Через всю озаренную гневом планету
Издали бессмертная помощь идет.

С той войны, с тех фронтов, на которых под Гжатском
В сорок первом мои умирают войска,
Там солдатам приказано встать и собраться
В пять минут. И дорога опять далека.

С тех фронтов в сорок пятом
В предполье Берлина
С марша
Танкам командован там поворот.
Там, над картой склоняясь, молодецкий
маршал,
Не убитый, забытую песню поет.

Ту, что пели еще на испанской солдаты
В первой интербригаде сквозь пламя и дым
Во Вьетнаме, в Ханое, как было когда-то,
Небо Гвадалахары грохочет над ним.

Снова в небе чужие железные крылья,
Но под небом Ханоя навстречу чужим
Он поднимет сегодня свои эскадрильи
И расчистит дорогу ракетам своим.

Повторяется. Но не должно повториться.
Не падет, как Мадрид, ни Ханой, ни Вьетнам.
...Обрывает он песню, к штурвалу садится
И спешит через годы на помощь
к друзьям.

Не убиты упавшие в битвах с врагами,
И сгоревшие в танках навечно в строю
Все танкисты мои. Они там, во Вьетнаме,
И мои полководцы. Я с ними встаю.

За спиной у меня,
Словно горы, плотины,
Космодромы в лесах и в огнях города.
Я, желающий мира и счастья для сына,
Не привыкший друзей предавать никогда.

Это все еще та мировая вторая,
С той колючкой знакомой земле в три кола,
На гармониках песни в Дананге играет
И стаканами с пивом стучит у стола.

Узнаю ее. Помню. Не дам ей воскреснуть.
Мир прикрыв плащ-палаткой своей у плеча,

МОСТ ЧЕРЕЗ БЕН ХАИ

Пальмы и бамбуковые рощи,
И, жемчужный, теплый, без просвета,
Целый день идет февральский дождик —
Зимний дождь, как в Ленинграде летом.

Узловаты, высоки и гладки,
Краснозем корнями размесили
Фикусы такие ж, как в России,
Что стоят у нас по избам в кадках.

Буйволы несут рога, как лиры,
Небо меж рогами полыхает,
Аисты разгуливают мирно
Над рекой медлительной Бен Хаи.

Наклонив конические ноны,
Рис сажают над рекой крестьяне,
Как штрихуют поле в цвет зеленый.
А поля — как зеркала в тумане.

За рекой Бен Хаи те же крыши,
Те же песни, аисты и пальмы,
И на спинах буйволов мальчишки
За рекой Бен Хаи цвета стали.

Как клинок, лежит река, сверкая, —
Ни волны над нею нет, ни всплеска, —
Землю на две части рассекая,
Рассекая пальмы, семьи, песни.

Над рекой Бен Хаи мост железный,
Только по нему никто не ходит,

Десять лет не ходят и не ездят
По нему ни при какой погоде.

Но в кругу друзей большом и тесном
Рыбаки на берегу у моря
Песню нам про этот мост железный
Пели, с грохотом прибоя споря.

Эту песню создавали руки,
Эту песню поднимали спины,
На вьетнамском Севере и Юге
Эта песня десять лет едина.

Песня шла гремя, не затихая,
С болью, с верой в то, что это будет,
Будет день, — пройдут по мосту люди
Над рекой медлительной Бен Хан.

Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные,
Завидую впервые я сейчас.
Вам предстоит увидеть горы лунные,
Открыть Венеру и ступить на Марс.
К чему скрывать, на ваше поколение
Смотрели мы порою свысока.
Но вышло — во вселенную вселение
Вам начинать от мира сотворения
Впервые предстоит, и на века.
Дорога, на которую вы ступите,
Сама есть цель — нет у нее конца.
На ней вы возмужаете, полюбите
И вечностью проверите сердца.
Никто не может вам сказать заранее,
Как нам никто не мог сказать с вершин,
Какие предстоят вам испытания
На ней, какой свой Зимний, свой Берлин.
С нее вы не сойдете, как в истории
И не сходил донине человек
С дорог земли тяжелых, им проторенных.
А звезды дарит вам двадцатый век.
И может быть, с небес, как небожители,
Святые и земные до конца,
Вы спуститесь к иным планетным жителям
И им свои раскроете сердца,
В которых пламя крови штурма Зимнего
И нежность всех садов, что вам цвели.
Вы юные, вы добрые, вы сильные
Сыны Земли и дочери Земли.

Для тех, кому сегодня девятнадцать,
Война — доисторический этап.
И даже мы, по-честному признаться,
Все реже вспоминаем о фронтах.
Стираются во времени детали,
Из памяти уходят навсегда
Бомбежки и пылающие дали,
Берут свое идущие года.
Но день Победы словно был вчера лишь,
Я помню весь его до мелочей,
До той слезы, с которой мой товарищ
Не мог от солнца отвести очей.
И тишина на все земные травы
Легла такая в тот далекий час,
Как в наши дни она над всей державой
Восходит на рассвете каждый раз.
И мирные в ней зарождались звуки,
Как каждый день рождаются всегда, —
С рассвета заливаются пичуги,
Шумят цветы и плещется вода,
Звенят негромко солнечные спицы
И ветра синеватые шары.
Как будто день тот начался и длится
Без окончанья в мире с той поры.
А что еще? Чем в душу так запал он,
Тот день, могу сказать для юных вас:
Над миром солнце в чистом небе встало,
Как каждый день встает оно сейчас,

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.
Все, что кончилось, это —
Уходя — уходи...

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето —
Защемило в груди...
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, постой, погоди!..

РАССКАЗ СОЛДАТА

Мне вовек не забыть ту пору.
Был тогда я еще юнцом,
Но солдатом, нюхавшим порох,
Защищал над Невой город
И срывал блокады кольцо.
Разве вспомнишь все про блокаду?
Девятьсот ее дней горят,
Как скрижали мужества. Надо
Их читать со всем Ленинградом,
Я же был лишь его солдатом
В январе много лет назад.
...Был по ротам и батальонам
Нам зачитан приказ — и вот
Клич по фронту пошел поименный,
Ни в один устав не внесенный, —
Коммунисты идут вперед!
И пошли вперед коммунисты,
Честью этою дорожа,
Над землей огневой и мгливой
Первый в грудь принимая выстрел,
И качнулась земля, дрожа.
Дым окутал Воронью гору,
Грянул гром из тыщи стволов,
Взвыли танковые моторы,
И глядел легендарный город
На работу своих сынов.
На снегу, кипящем от стали,
Встал весь фронт как один солдат,
Как мы верили — день настанет!
Как мы часа этого ждали —
Знает только лишь Ленинград.
На прямую наводку пушки

На руках расчеты несли.
Водрузив на спину катушки,
Связь тянули связисты. «Катюши»
Били с ходу огнем ревущим,
Пулеметы землю мели.
Не какой-то отдельный гений
Этот день в штабах начертал,
А народ с великим терпением
Сам готовил его в сраженьях,
В непомерных своих лишениях
Сам победу эту ковал.
И теперь, когда жарким светом
Вновь горит салют на Неве,
Я-то знаю — над парашетом
Хоть одна да летит ракета
И за наш экипаж «КВ».
Город празднует, веселится,
Золотой рассыпает дождь.
И наверное, за границей
Кой-кому при этом не спится,
Кто-то злобствует. Ну так что ж!
Было дело в сорок четвертом,
Нам не грех вспомнить о нем, —
Как мы доты сметали к черту,
Как завидовал немец мертвым
И с ума сходил под огнем,
Как на город сошла минута
Тишины победных годов
После дней тех блокадных лютых...
Как народ громыхал салютом
Сам себе изо всех стволов.

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.
Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обгарены.
Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.
Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,
Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.
Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь, ◀
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь.
Не в библейских белых хитонах ◀
В гимнастерках и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.
И, совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад,
Словно трубы Иерихона
Репродукторы их гремят.

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет,
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чущий власть,
А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы —
Сыны завода и села, —
В лицо потопкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая временить,

Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и верой запастись.

Вниз на Гавану с гор спускался Кастро,
Меконг с сампанов вел огонь в зенит.
Шагал патруль уверенно и властно,
Зажав в багровых кулаках ремни.
Над Африкой гремели барабаны,
Знамена поднимали племена,
И сотрясались города и страны, —
Такой была на Невском тишина.
Вдали, у Александровского сада,
Проснулись птицы, плыл костра дымок,
И самый юный — с сердцем нету сладу —
Пел песенку веселую, как мог.
Земля была все той же,

небо то же, —

Но он не тот.

Не бог и не герой.

На внуков и детей своих похожий,
Он с песней шел, как будто брат с сестрой.
Был первый день.

Еще был молод Ленин,

Немногим больше сорока пяти.
Шагал патруль, и, разгоня тени,
Вставало солнце на его пути.
С «Путилова», а может быть, с «Айваза»,
С Обуховского, знать, наверняка
Шагал и пел он, юный, синеглазый,
Девчонкой не целованный пока.
Я с ним сойду в одном окопе вместе —
Блокаду прорывать в сорок втором.
Он будет мой товарищ и ровесник,
Мы встанем с ним на бруствер и пойдём
Под пулями и минами, как надо.
И я себя почувствую, что вдруг

В семнадцатом году
по Петрограду
Иду на розовеющем ветру.
Что жив еще и молод в Смольном Ленин,
Он в синее окно глядит нам вслед.
Мы только что спустились по ступеням
И двинулись с винтовками в рассвет.
Еще на свете первый день творенья.
Горят огни на рострах. Спит вода.
Стоят в метро вагоны без движенья,
И лишь патруль идет через года.

ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА

Че Гевара уходит в горы,
Возвращается в мир Гевара.
Так крестьянин бросает город:
— Потянуло к пенатам старым.

Ничего не надо Геваре,
Ни портретов, ни «кадиллака».
Он Гаване улыбку дарит
И уходит в свою атаку.

Десять раз его похоронят.
Десять раз его позабудут.
Будет взрывом он и погоней,
Только смерти его не будет.

Он ушел к рыбакам соленым
И к выдавшим виды солдатам,
И сегодня среди девчонок
Он пирует запанибрата.

Во главе миллионных армий
Он поднимется только завтра.
Че Гевара ушел недаром
К тем, кто рубит тростник на сафре.

К тем, кто водит машины с ветром,
К острословам — лихим шоферам.
Где-то есть на земле бессмертье —
Че Гевара уходит в горы...

Красный бархат и алый шелк,
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе — Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать,
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сини,
А назавтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера.
Только я уж давно не молод.
Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою —
Где-то в залах и кабинетах,
И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.
Видно, память крепка у нас
Или просто дело не в датах, —
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

Здравствуй, юность танкистская!
До отбоя с подъема,
Где с тобой мы дружили и жили, как дома,
В грозном царстве газойля, металла и грома,
Не бывал я давно на твоих танкодромах.
Тихо светятся лампы контрольные раций
У тебя в огневом броневом батальоне,
Маслянистые молнии в башнях хранятся,
Строгий холод брони ощущают ладони.
Над тобой проплывает в багрец разодета
Осень мирной державы светла и нарядна
Паутинками тонкими бабьего лета,
Дальней песней в просторах полей неоглядных.
Над тобою не плещет ревущее пламя,
Пред тобою спокойные горы и доли,
Журавли в небесах тебе машут крылами.
Вот стоишь ты, безусая, люк откинув тяжелый,
Знамя в штабе твоём зачехленным хранится,
На линейке хрустит утрамбованный гравий.
Но ты стала наследницей древних традиций
И навеки причастной к немеркнувшей славе.
В честь твою салютует сегодня столица,
Небеса как костер полыхают багряный.
И, листая истории нашей страницы,
Вспоминают далекие дни ветераны.
Здравствуй, юность танкистская, верная долгу,
На ревущих, на мирных своих танкодромах,
В травах осени росами грузно наволглых,
В грозном царстве газойля, металла и грома!

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять вовсю поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара,
Своя компания вокруг,
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не «трали-вали»,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку.
Ах, как натянута струна!
И мы стоим, грустя, в сторонке,
И родина на всех одна.

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке, —
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик.
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.
Возьмет немойтой пятерней
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.
Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалика
Глаза улыбочивые щурит?..

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще!
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем зальется в пень.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвонит она.
И ты рукой коснёшься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью, и железом пахнут травы...

Хотел бы прямо, без обиняков,
А как сказать, чтоб ты в меня поверил?
Я роюсь в груди обветшалых слов
И целой жизнью меряю потерю.
С углями перемешано, с золой,
Оно, как несгоревшая железка,
Омыто кровью, потом и землей,
От ржавчины очищено до блеска.
Я жил и мыслил, подтвердит оно,
Скрепляя расступившиеся звенья
Годов нелегких, минувших давно,
И новых дней упрямое рожденье.
А ты однажды распахнешь окно —
Ворвется ветер с дымом и озоном,
И ты со мною будешь заодно
Дышать им так же, как во время оно
И я дышал.
Шли грозы по реке,
От жажды выгорали побережья,
И чье-то сердце падало в тоске
И подымалось все-таки в надежде...

БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Беря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугуновых.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,
А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без нагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю,
Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра

В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградкам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя...
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный,
С верой в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

В заздравной дате государства,
Отмеченной календарем,
Еще дымится снег январский,
Кинжальным вспоротый огнем.
Еще цветет над Ленинградом
Салют, качается в глазах,
Во имя снятия блокады,
На улицах и площадях.
Не все, что было, бронзой стало
И медью литер прописных,
Хотя уже, как зубров, мало
Участников боев живых
И тех блокадников, которым
За девятьсот ночей и дней
С тех пор обязан жизнью город
И ратной славою своей.
Все то, что было, — с ними рядом:
Им кажется, еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,
В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком, —
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,
Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них.
В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит...

Костры горели на снегу,
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из канистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу.
Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед, —
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу...
Настало время мне признаться:
Не мужество, не долг солдатский
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли домой,
В день Победы, в мае, в сорок пятом,
Став навеки родиной самой.
Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни, —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.
Как в жару в степи мелеют реки
И сады сгорают в тишине,
Лучшие друзья у нас навеки
В юности остались на войне.
Не хотим мы выйти в генералы,
Меньше нас на этом, чем на том.
Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы кроме нас никто.
Тысячи невспыхнувших рассветов
Осветить могли бы ярче путь.
Но зачем теперь грустить об этом?
Разве можно что-нибудь вернуть?
Молча спят под бронзовую сенью
Памятников в скверах городских
Циолковский наш и наш Есенин,
Не раскрывши замыслов своих.
А года без них все длятся, длятся...
Ах, как в мире холодно без них!
Цепь порвалась. Павшим не подняться,
Чтобы на земле согреть живых.
Только плещет пламя над гранитом.
Нерушима кладбищ тишина.
Кто забыт — не знаем, что забыто, —
Ничего не скажут имена...

Какое лето шло по всей стране,
Все в ливнях зноя, тишины и света,
Когда война, готовая к войне,
Ждала сигнала.

Ах, какое лето!

Хлеба стояли на полях стеной,
Шли к морю поезда с отпусниками,
За город собирались в выходной
Компаниями, школами, цехами.
А в Греции и в Африке бои,
А в Бресте у старинных казематов
Грохочут на закате соловьи
И спать ложатся с песнями солдаты.
Нам с той поры не позабыть вовек
Той тишины, спустившейся на травы,
На рощи и на русла синих рек,
На города и веси всей державы.

• • • • •

Не шутки шутим, на земле живем,
Ее железом били, кровью мыли.
И даже в день, когда замолкнул гром,
Мы этой тишины не позабыли.
Мы не забыли сорок первый год.
Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
...Какое лето по земле идет,
В хлебах и травах, пахнущее мятой...

Когда над землею раскаты
Салюта на праздник гремят,
О чем вспоминают солдаты,
Которым сейчас пятьдесят?

Они вспоминают Россию
От моря до моря в огне,
Друзей, молодых и красивых,
Оставшихся там, на войне.

Одна за плечами держава,
Которой присяга дана,
Одна, словно вечная слава, —
И молодость тоже одна.

В каких бы невзгодах и бедах
Она по земле ни прошла,
Но молодость эта победной
И самой прекрасной была.

Недаром о ней под гитару
Мальчишки сегодня поют.
Недаром, недаром, недаром
Гремит над странюю салют.

Давно отпылали походы,
Шинельное стерлось сукно,
Но с неба ракеты, как годы,
Летят, полыхая в окно...

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.
Ликовал над горсткою махорки,
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки.
Порохом продуты и огнем.
Стал я стар и, как мальчишка, ясен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лунь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.
Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.
И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.
История. О давнем, незабвенном
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движенье обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.
Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.
А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.
Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.
Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?
Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...
Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.
Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.
Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.
Бессмертна я...»
Я подчинился ей,
Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Ю. Быкову

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.
Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как трон серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.
Пробегают холодок в душе
С бурей и восторгом пополам.
Как мальчишки, смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.
По дороге красной, по ковру,
Трое русских юношей идут,
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.
Вспышки блицев с четырех сторон,
Строй министров. Флаги. Караул,
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.
Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой.
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.
...В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немыслимой дали,
Будут прилетать издалека,
Возвращаться с неба корабли.
Никаких оркестров в тех веках.
Точный график расписанья прост.

Вечернее мычание коров —
Древни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки,
Они идут. Им улица узка,
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката,
Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие, зарницы.
Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Польнью отдающих и шалфеем.
Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Древни нашей древнюю молитву?

В моей деревянной России
Орут петухи да ветра,
Да с дудочкой дядя Василий,
Как леший, сидит у костра.
Один с этим небом безгрешным,
Один с этой чащей лесной
Да с дудочкой этой потешной,
Жалейкой — смешной стариной.
Жалеет печально жалейка
Широкое поле и луг.
Знать, жизнь для нее — не копейка,
А горя и радостей круг,
Который, как будто кропилом,
Слепящим на тысячу лет,
Ни много ни мало,

светилом

Очерчен самим на земле.
Костра языкатые всплески
То гаснут, то снова встают.
В них пламя Смоленска

и Бреста

И Мая лазурный салют.
Чужие края и столицы —
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.
А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,
Да тени в избе-колыбели,
Да пот — тяжелее зерна.
Где пламя, где жизнь —

не отринешь.

Над тихой излукой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звонит колокольцами стадо
И мчится куда-то река...

МАЙ

Стяги мая
К высокому солнышку вскинуты,
Над свирелью берез,
Между сосен литых
Журавлиными клиньями
Небо раздвинуто,
Реки неба полны —
До откосов крутых.

Май идет по земле,
Громяхая оркестрами,
Сотрясают динамики
Дали весны.
Города миллионные
С шутками, с песнями
Нынче, может быть,
Жителям Марса слышны.

Транспаранты горят
Над цехами и домами.
А за бурей знамен,
Что повсюду летят,
За оркестрами,
За городами огромными,
За колоннами
Артиллерийских бригад,

За домами высотными,
Селами, избами,
Возле речки неназванной,

Где на лугу
Зацветают ромашки,
Как водится издавна,
И по теплым пригоркам
Вприпрыжку бегут, —

Там в платочке углом,
В синем платье в горошинку,
Босиком,
Потому что настала весна,
Две тугие косички
На спину заброшены,
В чистом поле
Аленка гуляет одна.

И звенит, заливаётся
Детскою песенкой,
Только ближней березке
Да речке слышна.
От души — потому,
Что тепло ей и весело,
Потому что на свете
Настала весна.

Вьётся песенка пчелкой
Над солнечной просекой,
Среди песен страны
Затерявшись совсем,
Коротка —
Не длинней воробьиного носика,
Но родимой земле дорога,
Как и все.

Речка тихо бежит
Через пни и колодины,
Моем ноги берез
В золотой тишине.
И заслушалась
Наша могучая родина
Этой песенкой
С песней Москвы наравне.

В ранней юности, в дальней были,
Не умевших еще любить,
Нас окапываться учили
И траншеи учили рыть.
Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял — не ленись,
Без команды не пей из фляжки —
Так у нас начиналась жизнь.
Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой,
А потом ничего не бойся, —
Ты с землей, и она с тобой.
Та наука до пота и дрожи.
А потом на весь свет война.
Был большим оптимистом все же
Обучавший нас старшина.
Но опять его вспоминаю,
Я не вспомнил бы без нужды,
И причина тому иная,
Да не скажешь ей «подожди».
По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

Что было, то было. И все же
Забылось.

Быльем поросло.

Быльем ни на что не похожим,
Ко мне обернувшись зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты,
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только неожиданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому в минах болотцу
В глухом сорок третьем году.

Мы говорим — задумываясь редко,
Что время беспощадное течет, —
Как на войне: «С кем бы пошел в разведку?»
А думать надо: «Кто с тобой пойдет?»

Да так и было. Встанешь с автоматом,
Табак за пазуху и — на народ.
И говорилось: «Кто со мной, ребята?»
И добавлялось: «Два шага вперед...»

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей —
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда;
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка — мука поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато
«С кем я пошел бы?» молвить в свой черед,
А очень просто: «Кто со мной, ребята?»
И помолчать. И два шага вперед..»

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует впотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.
За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла,
Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.
Ждут праздник светло и отрадно,
И в окнах горят горячей
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

Перед друзьями и врагами
В часы торжеств и бед своих
Мы говорим, что Ленин с нами,
Что он живее всех живых.

История пути итожит.
Все шире наш державный шаг.
И даже враг сказать не может,
Что Ленин умер. Даже враг

Хотел бы, но сказать не может,
Когда на всех материках
Его и день и ночь тревожит
Пред Лениным бессмертным страж.

Январским днем зимой далекой,
Когда метель всю мела,
Нам Ленин передал до срока
Свои заботы и дела.

Под этим синим небосводом
С необозримой широтой
Он стал страной и стал народом,
Его терпеньем и мечтой.

Дожди и солнце, свет и тени
И ветры века бьют о грудь.
Страна огромная, как Ленин,
Земле прокладывает путь.

Живым поверка. Павшим слава.
Салютов гром и тишина.
Победу празднует держава,
Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как были ей равны когда-то
В день окончания войны.

На площадях и на полянах —
Повсюду царствует она:
В дворцах бетонных и стеклянных,
В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
Как много лет тому назад,
Не увидавшие Победы,
Со снимков в траурных багетах
На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие —
Со счастьем боль невпроворот.
Творец истории России —
Победу празднует народ.

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией, на Висле и Влтаве,
С армейскою впой звездойobeliski,
Которые год сорок пятый оставил.
Ах, год сорок пятый, великий и святой!
От щедрого сердца, не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый.
А годы меняет земля, как обновы,
А время все мирное длится с рассвета.
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.
Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле.
И белыми сделались ленточки крепа,
И темными стали с звездойobeliski.
Гремит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах омешенье языков,
Под флагами наций ревут стадионы.
Все правильно!
Так и хотелось тогда
Идущим до Шпрее, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они, с боем беря города.
Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы..

В дождь к параду готовится ночью Москва.
Мимо спящих кварталов в асфальте зеркальном
На пневматике, в шлемах и кирзе, войска
Озаряются волнами света и сталью.

Проплывают тяжелые стрелы ракет,
Только сталь и моторы из-за поворота.
И, пожалуй, одни огоньки сигарет
Вдруг напомнят на марше старинном пехоту,

Ту, что нет и в помине. Но, значит, жива,
Раз в свистящей резине и в реве металла
Завернула с сигаркой кулак в рукава,
По привычке дымит, как, бывало,

Совершая ночной перед боем бросок,
Сапогами вздымая пудовую глину,
Разбивая камень, как стекла в песок,
Так, что искры цигарок — к Берлину.

Спит Москва под звенящею кровлей дождя,
Крепок сон этажей неоглядных.
И, как мирные громы с дождем проходя,
В ней войска громыхают, готовясь к параду.

ПОЭМЫ

ОДНА ЛЮБОВЬ

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья,
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отправленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размёт.

На пальце. брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес

Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Всё, что в года вместить не удалось,

Меня в любви не стерегли удачи,
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И счастьем, и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи —
Попробуй за такую угонись,
Но если и погонишься за нею,
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она, как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь,
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушует, звезды погасив,
Над озером, за синими лесами,
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви.

Где вдруг на миг она к тебе прижмется
Пред тем, как скрыться на крыльце впотьмах,
И женское мелькает превосходство
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

Четыре года, вечности четыре:
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,

И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягка трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым,
Там маки крови рыжие цвели,
И травы пахли толом горьковатым.

И я, чудак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И всё не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штакета
Часа в четыре ночи, всё всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон.

Забыва?

Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграли свадьбу где-то,
А весело ли, грустно, — все равно.
Шел год Победы, — в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слёзы и вино,

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде,
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза,
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели —
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,

Серебряная ниточка ручья
И волн морских зеленые колёса.

Но как-то у притихшего огня.
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым,
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

★

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, этот дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на плиты
И город вдруг взовьется, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорог.

Я переулочек скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому всё отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала,
И, словно птица, все-таки томилась.

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофёр кричал: «Давай полью цветки!»

И вдруг из-за угла, почему я знаю
Как, я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слышали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той, далекой, русой,
Весь городок наш был в плену у ней,
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофёр, притормозив, глядел нам вслед,
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет.

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах,
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я всё забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: «Не надо!..»

Что значить в этот миг слова могли?
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она неожиданно в слёзы.
Что сделал я?
«Мне не дарили роз,
А я ждала, что всё же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела».

Мне тоже в жизни не встречалось роз,
Бывало, сказка ими расцветала,
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зверою алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные, клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков.
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым,

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью —
Всему, что вечно красотой зовем,
И божеством еще, и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро,
Был добрым день, всю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.

Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю».
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили — никогда
Не рассказать, не вспомнить, — это знаки были
Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было,
«Куда ты едешь спешно так сейчас,
Кто ты теперь?» — она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я спешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет,
Я услышал: «А разве ты мужчина!..»

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Арарата,
Где между гор библейских рай земной
Оранжевый на синем был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Коллебаясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок,

Я не писал тебе, — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету,
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету?

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами,
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу «Ил»,
Земля под ним разворачивалась в плане,
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною всё наоборот, —
Издалека ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то...

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.

Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, пронеслось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень

Торжественной последней красотой,
В которой все горит, все льется светом --
От дюн до паутинки золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето,

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И снова, чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы,

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье,
Всё впереди, и ничего в конце,
А время шло, кончая день осенний,

Никто из нас не говорил «прощай»,
И может быть, «прощай» — ветра сказали,
А может, просто вспыхнул неба край
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибережной полосе
Был из живого выкован металла,

И черное, графитное шоссе
Его на два пожара пересекало.

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом на ветру открытом
Давно в огне сгорели, как трава,
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные — день добрый или вечер.

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро — говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет,
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края,
В нем всё, что есть, отныне для двоих
До смерти, и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаимы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы.
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»

У счастья....

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и неожиданно.

Как на земле хозяйничает он!
Звенит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был,
С ним все преобразилось во вселенной,
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Подтянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленною шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитым стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И всё твердила — голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели
На красном белые, над платьем узким,

Над черным, скользким, белые как снег,
Горячие, податливые плечи.
И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
«Здесь душно...» И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдалась,
И черное сменилось алым цветом,

И голос низкий прошептал смеясь:
«Мой милый, разве ты боишься света?»

Два раза простучали каблочки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалилось резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много, и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы,
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»

у счастья.

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

*

Я всё о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей и радостей основа!

Оно не только в громком и большом,
В труде и славе, горных пиков выше.
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат.

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк, —
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло на части,
Но есть любовь — сильнее войны она.
А кто сказал, что нет любви без
счастья?

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.

СЛОВО О ЦИОЛКОВСКОМ

И над Калугой светят звезды,
А век событиями богат:
Уж на шарах взлетают в воздух,
И где-то создан аппарат,
Который над землей с разбега
Взлетает сажен на пятьсот,
Как будто с крыльями телега,
А может быть, наоборот...
В четверг в Собрании дворянском
Для уважаемых господ
Доклад о звездах и пространстве
Учитель физики прочтет.
Идет Калуга в ногу с веком,
Гремя оркестром полковым,
Глядит в упор на человека,
Усевшись в кресле перед ним,
Который вроде бы помешан,
А вместе с тем как бы здоров.
Перед собраньем плеч и плешей
Он держит речь с шести часов:
«Я заявляю, господа,
Настанет время, несомненно, —
С земли межзвездные суда
Нас понесут во глубь вселенной.
Как в колыбели, человек
Рожден Землей, но, в самом деле,
Кто заявил, что он навек
Остаться должен в колыбели?»
Кто? Но молчат в собрание дамы,
А рядом с ними господа.
В них божества святое пламя
Давно погасло навсегда.

Для них давно всё ясно, просто,
Привычками очерчен свет,
Не занимают их вопросы,
Ответа на какие нет...
Крылатку на плечи накинув,
Вниз по ступеням на крыльцо
Сбегает он, сутуля спину;
Там дождь и ветер бьют в лицо.
Один — и не в Калуге даже, —
Во всей вселенной одинок —
С тоской о звездах, словно с жаждой,
Уходит он, не чуя ног.
Вчера еще из глины создан,
Из мглы морей и света рек,
Уже тоскует в нем о звездах
Мятежный, гордый человек.
Он на кострах людского мненья
Сжигал не раз свои мечты,
И проклинал свой день рожденья,
И вновь отстраивал мосты,
И их раскидывал над веком
Для человечества всего...
Но как же трудно человеку,
Когда нет рядом никого!

Во всей вселенной петухи
Одни орут, как с перепугу.
Сады тихи, дома тихи,
Спит беспробудным сном Калуга.
А слух совсем пропал опять,
Как будто бы он слышит космос,
Где ничего не услышать,
Хотя бы там взрывались звезды...

И пламя лампы на столе,
Что было гребнем петушиним,
По линиям стекла во мгле
Поднялось золотым кувшином.
Стекло не выдержит сейчас,
Но Циолковский, сидя рядом,
С него не сводит строгих глаз,
Как с прилетевшего снаряда.
Пред ним снаряд, а не стекло,
В нем сталь, и не фитиль, а дюза,
И раскаленное сопло
Сейчас взорвет от перегруза.
Оно должно быть не прямым,
Воронкой, раструбом кончаться, —
Как это не понятно им!
Кому «им»? Есть лишь домочадцы,
Что рядом за стеною спят.
Калуга есть, купцы, мещане,
И есть стекло, а не снаряд,
И топит он фитиль в молчанье,
И свой оглядывает мир,
Вернувшись из миров далеких, —
Как беден в нем он, глух и сир,
И в помыслах смешон высоких.

На десять тысяч верст — Россия:
Деревни, реки и леса,
Пройди по ним сейчас, спроси их
И вслушайся в их голоса.
Смолчат или ответят сказкой,
А в ней звучит своя тоска —
Планеты, звезды, месяц ясный.

О, как дорога далека
От крыш соломенных, горбатых
До счастья просто — не до звезд,
Но где-то слышатся раскаты,
И зреют очертанья гроз,
И молнии в полнеба льются,
Ручьями пишут письма,
В эпоху войн и революций
Уже Земля увлечена.
А для него все это небыль;
Откуда знать ему во мгле,
Что к революции на небе
Лежит дорога по Земле!
Но всё со временем решится.
Двух революций связан взмах:
Сначала на Земле свершится,
Чтобы свершиться в небесах.
Взаимосвязь для них — закон.
Не зря стремится к звездам гений.
И нужен будет небу он,
Как для Земли стал нужен Ленин.
...Вселенная — глухое место,
Не докричишься, хоть ори.
И где есть кто-то — неизвестно.
И что там дальше — не смотри.
Дыра бездонная, сквозная,
Звезд раскаленные шары,
Переливаясь, не мигая,
Стоят без счета и поры.
Меж ними — голубой росинкой,
В метеоритных ливнях гроз,
Летит Земля своей тропинкой,
Морзит сквозь пламя и мороз.
Здесь чуда с неба ожидают,

Вздыхая храмы, как персты,
Здесь на Луну собаки лают,
Здесь гасят на кострах мечты.
Но цифры пишет на бумаге,
Склонясь, не подымая век,
Брат Галилея, Тихо Браге,
И брат Ньютона — человек
Еще непонятый, безвестный,
Упрямо строя к звездам мост
И слушая земные песни
Синиц, калиток и берез,
Не может разум согласиться
На одиночество Земли.
Не с неба ждать — к нему пробиться,
Не храмы строить — корабли.
Чтобы на дальние планеты
Ступить, свирепо веря в жизнь,
И прокричать, как в поле где-то:
«Эй, есть ли кто тут? Отзовись!»

С утра паял, лудил, слесарил,
Иных не ведая забот.
Достигли цены на базаре
Астрономических высот.
И словно бы над чудом века,
Над самоваром чьим-то, взлостью.
Он размышлял Спинозой неким,
Когда явился странный гость.
Гость юн был и наивно мрачен,
Чтоб старше выглядеть, чем есть,
Он просьбой с ходу озадачил —
О звездах лекцию прочесть.

На фронт идет его бригада,
И, перед тем как выступать,
Бригаде непременно надо
Всё о вселенной срочно знать.
Всё! На его суконном шлеме
Плыла, багрова и горда,
Над звездами сияя всеми,
Пятиконечная звезда.
Она плыла, всех ярче, выше,
Над лбом в кудрях, как бы в венце,
И робкие глаза мальчишки
Цвели на каменном лице...
Зал встретил дымом, потом, гулом.
Поблескивает тускло сталь.
Седой, косматый и сутулый,
Над залом Циолковский встал.
Поймут ли? Ну, а кто же боле
Поймет его! Костры паля,
В крови, в надежде, в муках, в боли
Рождалась новая земля.
И синими глазами юных
Сейчас глядела не она ль
В глаза ему! И над трибуной
Померкла близь, открылась даль.
В ней голос загорался, падал,
Взрывался гневом и парил,
Он звезды с неба, как награды,
Как будто яблоки дарил.
В бескрайнем мраке, в ливнях света
Вел по орбитам корабли,
На неизвестные планеты
Ступал разведчиком земли.
И дальше следовал без страха
Меж черных, огненных громад.

Зал замирал, вздыхал и ахал,
Забывшись, два часа подряд.
И смолк. И тысячи ладоней
Умяли тишину в комок.
И, весь в скрипучей коже, конник
Вручил торжественно паек
Солдатский свой, скупой и щедрый,
Один достойный звездных тайн, —
Весь черный, как земные недра,
Как солнце жаркий, каравай.
Нет, не как плата и награда —
Как братья делят на земле
Всё, что имеют, — боль и радость, —
Лежит сейчас он на столе.
И где-то, охватив до края
Лавиной стали, ливнем звезд,
Клинками небо озаряя,
Идет бригада в громе верст.
Идет, аллюра не жалея,
И от копыт вся степь гудит,
Весь шар земной, — и клич над нею
«Даешь вселенную!» летит.

Молчит земля перед дорогой,
В путь отправляя сыновей,
Скрывая радость и тревогу
От всех людей за всех людей.
И космодром, выдавший виды,
Весь тишиной продут насквозь.
«Даешь вселенную!» — как выдох
Чуть слышно кто-то произнес, —
Похоже, что седой, с глазами
Мальчишьими, сам генерал.

— Вы что-то, кажется, сказали?
— Нет, просто вспомнил, не сказал... —
Земли бессмертье, космодром,
Планета стали и бетона!
И ближний предок за бугром —
Аэродром — лужок зеленый.
Несущих линий прочерк скуп,
Пустыня камня диковата.
Он рвется ввысь, зарывшись вглубь,
Чуть приподняв свои накаты,
Кося глазами амбразур,
В гребенках модниц позабытых —
В антеннах, взявших в контражур
Просторы дымные зенита.
А посредине, как Нотр-Дам,
Как пражский храм святого Витта,
Корабль ракетный встал, упрямя,
Глазурью розовой облитый.
Земли бессмертье, космодром!
Роса на тоненькой ромашке
Меж плит. И в тишине, как гром,
Пичуги песенка, бесстрашно
Присевшей там, на стапелях,
Одна в динамиках грохочет.
Сейчас их выключит Земля,
И время в счет войдет рабочий.
Его отсчитывать начнет
Пророк сутулый, бородатый,
Глухой калужский звездочет,
Не понятый никем когда-то.

Не зря горит и светит гений
Сквозь одиночества года.

Он в круг грядущих поколений
Встает как равный, навсегда.
Москва слезы не утирала,
Взахлеб глазела, как с высот,
С эскортом молний в небе алом
Прошел, снижаясь, самолет.
Вся ходуном ходила площадь
С иными наравне в стране,
В одном сердцебиенье общем,
Как в день Победы на войне.
Плясал и пел народ московский,
Самой вселенной одержим,
Как будто стал он Циолковским,
По меньшей крайности, самим,
Большим, огромным, увлеченным
Хозяином планет и звезд.
Он, словно перышко, в колоннах
Машину с космонавтом нес.
И с ним в колоннах рядом были
Его поднявшие века, —
Никто не знает их фамилий:
Они в неизвестности пока.
О них серебряные трассы
Вокруг планеты в простоте
Звенят, как пламенные праздники
На недоступной высоте.

БАЛЛАДА ВЗЛЕТА

Снега без меры, без конца и края,
Зима в России землю замела.
Гляжу на них, и кажется — читаю
По ним ее заботы и дела.
Деревни на снегу в лесах сосновых
Струят дымки, бесхитростно просты,
И от деревни до деревни новой
Снега повсюду празднично чисты.
Нога на них ни разу не ступала,
Лежат под снегом пашни и сады.
Куда идти сквозь белые завалы,
Зачем?
Как видно, нет такой нужды.
Вот тропка к бане. Вот дорога
в город.
Желта тропинка к скотному двору.
И всё.
А дальше чистые просторы,
Нетронутые, белые вокруг.
Но где-то далеко, в районе энском,
Протаяны снега и сожжены.
Там голос счет отсчитывает резко
Среди непогрешимой тишины.
Земля качнулась, от удара дрогнув;
Ракета встала на столбе огня.
Здесь к звездам начинается дорога,
В неведомое шар земной маня.
В нее вплелись тропинки всей
России,
Бегущие в безмолвии снегов,
Как струи газа в пламени косые
И молнии неспешных большаков.

Так вот она, дорога, та дорога
От заметных деревень страны,
От струганого теплого порога,
Где веник притулился у стены.

* * * * *

Что говорили вам минуты эти,
Когда, оставшись с кораблем одни,
Вы шли в скафандрах молча
по планете?

Наверное, сказали вам они:
— Возьмите вербы мерзлые в дорогу,
Звенящие над речкой ледяной,
Хруст снега у обжитого порога,
Дымок деревни из трубы печной,
Звон эстакады выгнутого моста,
Гул городов и тишину полей, —
Возьмите их с собой в дорогу
к звездам —

Все может пригодиться вам на ней.

* * * * *

Как снаряжали вас, как собирали
В дорогу, у которой нет конца, —
Есть лишь Россия-мать
В ее начале,
Дороги этой.
В посвистах свинца,
В пожарах красных вдоль
по горизонту,
И сборы в путь — их вспоминаю я.
Там сыновья по ней уходят
к фронту,

Ее единственные сыновья.
Уходят, чтоб в бою поднять Россию
В победном сорок пятом в высоту,

Которую никто не мог осилить,
Явив земле святую красоту.
И вы летите, поднимая доли,
И горы все ее, и города,
И сельскую бревенчатую школу,
Где мальчишки читают по складам.
Там с вами все, что детство
открывало
Здесь, в городе гранитном
над Невой,
Где Ленин у Финляндского вокзала
Встречает день на башне броневой.
Грохочут дюзы, небо разрывая,
Все выше поднимается страна,
И люди смотрят, глаз не отрывая, —
Всем снизу на земле она видна.
И я лечу за вами следом мыслью,
Хотя бы на секунду на одну,
Туда, где звезды неподвижно
виснут,
Чтобы увидеть разом всю страну.
Россия сверху, словно ствол
березы,
Белым-бела, вся в трещинках дорог.
В бугристых темных застругах
мороза
На ней Урал, как будто смол
подтек.
Бела кора березы и бугриста,
Гладка, и заскорузла, и нежна.
Береза на земле в туманах
мглистых
И в ясном солнце на земле одна.
Да и земля одна. Вокруг лишь звезды.

Шир голубой в крошечной темноте,
На нем Россия — белая береза,
И нет ее милее в высоте.

Ракеты. Космонавты. Космодром.

Вы скажете — что смыслю я

в ракетах,

Взлетающих, несущих в небо гром
Над гребнями алеющих рассветов?
Я знаю их, как стихотворец стих,
В том самом главном знаю,

изначальном.

Послушайте, я расскажу о них

Не хуже, чем конструктор

генеральный.

Я с юности с ракетами знаком.

У Черной речки били пулеметы.

Ракета поднималась над леском

И поднимала над снегами роты.

Земное притяжение порвав,

От мерзлой глины отодрав шинели,

Вставали парни, смертью смерть

поправ,

Ругаясь хрипло в огненной метели.

Мы в танке на морозе в тишине

Ракету ждем: мы без нее

не можем.

Скинь рукавицу, прикоснись

к броне —

И ты на ней оставишь с пальцев кожу.

На пятерых одна сигарка вкруг

Поочередно обжигает губы.

Редее тьма. И над землею вдруг

Взрывают небо яростные трубы.

Сто молний озаряет облака,
Ракетный залп «катюш» ревет
в округе.

Сейчас настанет очередь полка.
Мы жмем стартеры, опускаем
люки...

А через день под елью у костра,
Не по заказу, по своей охоте
(Пусть сверят даты лет редактора),
Я напишу о том в своем блокноте:
«Потомок наш о нас еще

вспомянет

В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.
Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начиняли
И посылали предки на врагов,
Он скажет так (и прав, пожалуй,
будет,

Лишь по преданьям знающий
войну):

— В тот дальний век изобретали
люди
«Катюшу» для полета на Луну.

БАЛЛАДА О КОРАБЛЯХ

*Мир открывали корабли, и будут вечно,
И даже от земли вдали, в просторах млечных,*

Вас на свете главнее нету,
Корабельщики —
Короли,
Безымянно ушедшие в Лету,
Открыватели всей земли.
Где-то звезды сварки на стапелях
Днем и ночью ладони мнут,
Режут сталь, как хирурги скальпелем,
И пневматикой грома шьют.
Это вы, сейчас засекреченные,
Корабельщики звездных трасс,
Корабли кроите отечеству,
Те, что скоро откроют Марс.
Был Колумб, как Гагарин, славен,
Но и там ни строки о вас.
Это вы ему мачту ставили,
Паруса кроили на глаз.
Это вы «Аврору» построили,
Ту, что знает весь мир сейчас.
Вы не боги и не герои,
Не цари, вы — рабочий класс.
Грудь свою подставляя молоту,
Вы клепали ее броню
Так, что искры взлетали золотом
К загорающемуся дню.

Корабельщики. Сталь. Лекала.
Стапель ставили, ну и ну!

А один с прищуром лукавым
Примерял под корабль страну.
Рыжий, пламенный, ясноглазый,
Примерял от трюмов до мачт,
От трущоб глухих непролазных
До на взморье мраморных дач.
А Россия качалась тяжко,
Поднимая к небу борта.
И гудели дали протяжно,
И летела над ним высота.
И глядел он в нее, глядел он,
Улыбаясь глядел слегка.
Глаз прищуренный брал прицелом
Государства, троны, века...

Крейсер шел в столицу империи,
Занесенный над ней, как нож.
Шел — глубины Невы промерены.
Шел — по стали струился дождь.
Город царственный, грозный, каменный.
А Нева, словно щель, узка:
Плиты сдвинет — и хрустнет замертво
Сталь, как льдинка, на два куска.
Крейсер шел, расчехлив орудия,
Погасив огни на борту.
Комендоры его, как судьи,
Молча вглядывались в темноту.
Там, у крепости против Зимнего,
В фонаре стекло опустив,
Спичку к лампочке керосиновой
Подносили, зажав в горсти.
Спичка. В лампе фитиль. И с палубы
Грянет к Зимнему сноп огня,

И посыплются стекла, жалобой
На вощеный паркет звеня.
Будут мерой иной измерены
Старый Запад, новый Восток...
Крейсер шел в столицу империи,
Как заря приходит в свой грок.

Шхуна «Гранма» — «Авроры» искорка,
Залетевшая за моря,
Я люблю тебя так же искренне,
Ты ведь тоже Земли заря.
Продолжается революция.
Кровь красна на белом песке.
Молча мальчики остаются
В прибрежном лежать леске.
Но уходят в горы, как в небо,
Ввысь оставшиеся в живых.
В целом мире вернее не было
Восхожденья этого их.
Вот идут они вверх по осыпи,
За уступом берут уступ,
Поднимают Кубу под звезды,
Зажигают ее, как звезду,
Открывают ее, как Америку
Открывал Колумб для Земли...
И качается «Гранма» у берега,
Как великие все корабли.

Мир меняется, вместе с миром
Изменяются корабли.

Я не знаю, каким же был он,
Знаю, был он — Корабль Земли.
Снаряжало его отечество,
Протирало его огнем,
Примеряло не к веку — к вечности,
Проверяя свой век на нем.
Век громовый,
Наш век двадцатый,
Век, увенчанный не венком,
А багровым,
Белым, впечатанным
В солнце ядерное грибом.

Травы на космодроме завязывались,
Шел автобус по лужам синим,
Пахло вербами, глиной, праздником
На окраине степной России.
А кораблик качался хрупкий,
Как буюк в океане атомном.
Парень влез в него, как в скорлупку,
Улыбнулся веку двадцатому.
И взревели, ударив, дюзы,
И земля покачнулась странно...
И в одно мгновение узнана,
Видно очень уж долгожданная,
Ввысь над веком во всей красе его —
Лживой, честной, малой, великой, —
Страх, и мглу, и тоску рассеивая,
Человека взошла улыбка.
Жарче черного смерти лика,
Ярче белого взрыва атомного —
Человеческая улыбка,
Вся надежда века двадцатого.

Ах, Земля, голубая, рыжая,
Вся в шпангоутах меридианов.
Сад роскошный. Пустыня выжженная.
Улей с медом. Плаха багряная.
Проливные твои веселья,
Вековые твои пожары.
И на Млечном Пути метельном
Льдисто вздрагивающие Стожары,
Через тысячу лет отыщут
Наши старые корабли,
Как челны, на которых вышли
Мы с Земли за предел Земли.
Что там будет с тобой? Не знаю.
Словно солнечный парус, Земля
Будет так же лететь, сквозная,
С человечеством у руля.
Через тысячу лет качнутся,
Ахнут, ворот одежд рванут,
Воздух времени революций,
Как озон, захмелев, хлебнут.
Над Землею живым реликтом,
Не померкшая, словно свет,
Потрясенно взойдет улыбка
Века нашего, наших лет.

Мы за все заплатили сами,
Нас не может задеть хула.
Кто посмеет в нас кинуть камень,
В наши помыслы и дела?

Кто решится, нам глядя в лица,
Пережитое отмести,
В справедливости усомниться
Нами избранного пути?

Должен мерить он той же мерой,
Все изведать, что мы, сполна,
Верить сердцем такой же верой,
Что на свете, как мы, сильна.

Было — нами страны пугали,
Чтоб на милость страны сдались.
Было — плетью, подкупом, сталью
Всю Европу подмял фашизм.

Но в шинелях серых — не в латах,
Обгоревшие дочерна,
Мы вошли в Берлин в сорок пятом —
И в Европу пришла весна.

Мир навеки запомнил — было!
Не к солдатам из-за морей, —
К нам Европа в слезах валила
Из фашистских концлагерей.

К запыленным, святым и грозным, —
Неужели тот год забыт?
И с пилоток солдатских звезды
У себя она не хранит?

Революция, мы — твой праздник,
Твой высокий, твой горный свет.
Сколько нас, сосчитаешь разве,
Есть и было в просторах лет!

Наших душ бескорыстных пламя —
То, чем ты на земле сильна,
Чем была ты и стала с нами,
И еще, чем ты стать должна.

Мы — рожденья твои и утраты,
Мы — твой труд и твой смертный бой,
Вечный сев твой и твоя жатва,
Лозунг всенепременный твой!

И недаром, как в озареньи,
Даль годов прищуром разя,
Смотрит, вглядывается Ленин
В наши лица, в наши глаза.

Это он глядит в революцию
Сквозь года, огни и дымы.
Ясноглазые, разнолицые,
Революция — это мы.

★

Время — Волга, время — вода.
Надо пристально оглянуться.
Ленин был один революцией —
Только в юности, в день, когда
Там, над Волгой, подумал Ленин:
«Мы пойдем по пути иному!»
Стыли дали, чреваты громом.
Это было его решение.
Это было ее решение.
Был один революцией — Ленин.

★

Мы создали свои реликвии,
Начертали свои скрижали.
Безымянные и великие,
Над веками мы сами встали.

В бескозырках матросских черных
Моряки с корабля «Аврора»,
Грудь крест-накрест в лентах патронных,
Совесть Балтики революционной.

Кумачом рукав опоясав,
Штык винтовочный в небо врезав,
Мы с «Путилова» и с «Айваза» —
Революции строй железный.

И глаза под алой косынкой
Поднимая к людям, как звезды,
Мы с полками шли по России
Комиссарами в злую роздымь.

★
Революция — это грозный
Голос тех, кто молчал веками.
Революция — с неба звезды
Обжигающими руками.

Революция — это право
Невозможного быть возможным.
Революция — это правда,
Торжествующая над ложью.

★
И мальчишки над калькой гнутся.
Чертят контуры циклотронов,
Это тоже ты, революция,
С ними рядом корпишь влюбленно.

И кидаешься с ходу в споры,
И взрываешься, словно порох,
И стоишь на своем упорно
С чистотой пионерского горна.

А потом в электричках тесных,
Вырываясь к лесам зеленым,
Ты поешь вместе с ними песни
И раскачиваешь вагоны.

•
Все, оказывается, проще,
Чем рассчитывало человечество.
Над Землею спутников росчерк,
На Венере наш герб Отечества.

Нам казалось, чтоб их дожждаться,
Надо людям века, — вчера еще.
Но мечта о всемирном братстве
Грандиозней чудес сверкающих.

Все трудней оказалось.
Не нам ли,
В девятнадцать, в ливнях света,
В буре, виделся за холмами
Коммунизм уже рядом где-то.

Но измерены не годами
Наши взлеты и наши утраты.
Мы за все заплатили сами.
С нас потомки не спросят платы.

И уже по белому свету
Льется свет наших дел и буден.
И на всех языках планеты
Стали песнями наши судьбы.

Мы не веруем в легкое счастье,
В без забот и печалей житье,
И на празднике нашей власти
Мы не гости, а суть ее.

Мы — загадка, враги которую
Собирались не раз разгадать.
Сколько их на свалке истории
Дотлевают — не сосчитать.

Нас хулили они за терпение
И хвалили за доброту.

Не понять Россию без Ленина,
Сложность всю и всю простоту.

Ленин был настоящим русским,
Он был всюду собой самим, —
Был, когда за Саяны услан
И когда возглавлял Совмин.

Хлеб всегда остается хлебом.
Небо всюду на свете — небо.
Он с рабочим рабочим не был
И с ученым ученым не был, —

Он со всеми был только Ленин,
Просто обыкновенный гений.

Ленин — правда наша и сила
На планете нашей тернистой.
Без него не понять Россию,
И без нас его не осмыслить!

СОДЕРЖАНИЕ

Ал. Михайлов. Певец солдатского подвига 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мой лейтенант 13

А мы такую книгу прочитали

«А мы такую книгу прочитали...»	19
«Руками, огрубевшими от стали...»	20
«Как на родине? Осень...»	21
Осень	23
«В танке холодно и тесно...»	24
Ирландская застольная	25
Костер	26
На ночлеге	27
«Погадай мне в этот вечер...»	28
Землянка	29
О счастье	30
Песня о кочегаре	31
«Есть на Шексне далекой...»	32
Это было 19 марта 1943 года	34
Карбусель	35

«Кузнечики стучат в траве...»	36
Перед наступлением	37
Отдых	38
«Ходят тучи сизые до злости...»	39
Песенка	40
Пыль	41
«Ночь бела, закат идет в рассвет...»	42
Смотровая щель	43
Кукушка	44
Дружба	45
«Песня — что-то вроде костра...»	46
На марше	47
После марша	48
«Тополь встанет молодой...»	49
«Потомок наш о нас еще вспомянет...»	50
Прощанье с землянкой	51
Танки в Новгороде	52
Стихи о переправе	53
«Поутру, по огненному знаку...»	55
«Идут солдаты, от сапог...»	56
«Его зарыли в шар земной...»	57
Перед порогом	58
«Пароход покричал, покричал...»	59
Поезд	60
Вино	61
«Всю вселенную проехав с боем...»	62
«Вот человек — он искалечен...»	63
«Дымок — дыхание костра...»	64
В метель	65
После боя	66
Атака на рассвете	67
«Жить от атаки до атаки...»	68
«Было утро, шумели травами...»	69
«Опять плывет закат над реками...»	70

Паромщик	71
Поле	72
«Где тишина и запустенье...»	73
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	75
«Человека осаждают сны...»	76
«Как стога стоят снега...»	77
Живая вода	78
Дома	79
На привале	80
«Да, не поле перейти...»	81
У сгоревшего танка	82
«Словно башни победы — на рыжих урвках...»	83
«У огня своя архитектура...»	84
Сталинград	85

Звезда

Звезда	87
Площадь Революции	88
Комсомольский билет	89
Молодой солдат	91
В этот день	93
Фотограф	94
Памятник танкистам в Калаче	96
«Свет звезд идет к Земле годами...»	98
Танки в Сталинграде	100
«Катятся мохнатые шары...»	101
Звезды	103
Марья Гавриловна	105
Ночью в казарме	107
Начальник заставы	108
Экзамен	110
Тишина	112
Застава имени Коробицына	113

Полк обедает	114
«Приснилось мне жаркое лето...»	115
В кино	117
Гвардейское знамя	119
«Экскаватор встал с лопатой...»	120
В городском саду	124
9 мая 1945 года	126
В чайной	128
Ракеты	130
Перед парадом	132
«Человеку холодно без песни...»	133
На учење	134
В День танкиста	135
Первая годовщина	137
«Жизнь, по пословице, не поле...»	139
Железная дорога	140
Родина	142
Хлеб коммуны	144
«Палочки две и одна закорючина...!»	147
Ленинский броневик	148
Встреча в Париже	150
В Праге	153
«Над пирогами и борщом...»	154
Шестнадцать лет тому назад	155
«Голос первой любви моей — поздний, напрас- ный...»	157
Семейный альбом	158
«Витька, Коля, Саша и Петро...»	160
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	162
Воспоминание о тыле	163
Памятник	165
Ода Советской Армии	169
У знамени	176
«Над лесами и селами...»	177

«Над Москвой в колокольном небе...»	175
«Он один остался в кабинете...»	179
«Всё, говорят, на свете образуется...»	180
Вечер стихов в колхозе	181
«Над полированной рекой асфальта...»	183
«Где-то горны еще гремят...»	184
Сорок лет	185
«Уходит в небо с песней полк...»	187
В госпитале	188
Второй	189
«И Русь не та, и русские не те...»	191
Коммунисты	192
Ленинские места	194
Курган-герой	195
«Ах, песни старые, забытые...»	196
Мирная песенка	197
Ночь	199
Сосна	201
Невская Дубровка	202
«Вчера еще со школьной парты...»	204
«Я давно увидел в первый раз...»	205
Женский праздник	206

Старый снимок

«Старый снимок...»	209
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	210
«Я снова вспомнил почему-то...»	211
«Это было все-таки со мной...»	213
В Бресте	215
«Я на войне писал стихи украдкой...»	217
«Через двадцать лет по всей державе...»	218
«Мы для костров рубили топором...»	219
Солдатский марш	220

На пионерском сборе	222
«Ракетами, как луг ракетами...»	224
Кубе	225
Слово солдата	227
Мост через Бен Хаи	230
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юны(в...»	232
«Для тех, кому сегодня девятнадцать...»	233
«Не считал я закаты...»	234
Рассказ солдата	235
«Не на западе — на востоке...»	237
«Хотел бы я волшебным даром...»	238
Октябрьский патруль	240
Памяти Эрнесто Че Гевара	243
«Красный бархат и алый шелк...»	244
«Здравствуй, юность танкистская!..»	245
В электричке	246
«Опять на старую гляжу...»	247
«Что знаю я о мире и войне?...»	248
«Хотел бы прямо, без обиняков...»	249
Баллада о парламентарере	250
«В заздравной дате государства...»	252
«Костры горели на снегу...»	253
«Самые отважные солдаты...»	254
«Какое лето шло по всей стране...»	255
«Когда над землею раскаты...»	256
«Были годы юны, были рыжи...»	257
История	258
Последние известия	259
«Всю жизнь куда-то далеко спеш...»	260
Встреча космонавтов	261
«Вечернее мычание коров...»	263
«В моей деревянной России...»	264
Май	266
«В ранней юности, в дальней были...»	269

«Что было, то было. И все же...»	270
«Мы говорим — задумываясь редко...»	271
Перед праздником	272
«Перед друзьями и врагами...»	273
«Живым поверка. Павшим слава...»	274
«Стоят в европейских державах неблизких...»	275
«В дождь к параду готовится ночью Москва...»	276

п о э м ы

Одна любовь	279
Слезо о Циолковском	296
Баллада взлета	305
Баллада о кораблях	310
«Мы за все заплатили сами...»	315

Сергей Сергеевич Орлов

„МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ“

*Редактор М. И. Белоусова
Художник Б. Н. Осенчаков
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Л. М. Ван-Зам*

Сдано в набор 24/1 1972 г. Подписано к печати
7/IV 1972 г. Формат бумаги 70×108^{1/32}. Бум. тип. № 1.
Усл. печ. л. 14,44. Уч.-изд. л. 10,69 + вкл. Тираж
65 000 экз. М-18688. Заказ № 542

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57.

Цена 1 р. 20 к.